

Валерий Увалов

Стальные Волки

Сектор заражения

Стальные волки

Валерий Увалов

**Стальные Волки.
Сектор заражения**

«Автор»

2023

Увалов В.

Стальные Волки. Сектор заражения / В. Увалов — «Автор»,
2023 — (Стальные волки)

После отражения нападения кирианцев человечество окончательно завладевает звездной системой Хадар с ее жемчужиной — планетой-заводом Оршу. Но цена, которую платят люди, слишком высока. Несмотря на присутствие в армии Федерации роботизированных подразделений, людские потери катастрофические. На этом фоне правительство Земной Федерации анонсирует запуск проекта «Поколение», который призван восполнить численность населения за счет искусственного выращивания людей в промышленных масштабах. Но пока первое поколение подрастет, потребуется время. Поэтому Михаил соглашается возглавить «Арахна» — искусственную расу, помесь насекомых, пауков и ракообразных, которую сам же и создает. «Арахны» должны стать буфером между хаосом, разразившимся в отсутствие сдерживающего фактора в лице некогда могущественной, но исчезнувшей цивилизации, и тем, что в будущем будут называть пространством Федерации. В тайну происхождения «Арахна» посвящены лишь единицы в правительстве и те, кто решил отправиться с Михаилом. Остальные же считают насекомых врагами и сплачиваются вокруг единой цели — выжить, выжить любой ценой. Поэтому в недрах военных лабораторий продолжает создаваться новое оружие, каждый день с верфей сходят боевые корабли — практически все ресурсы идут на военное дело. Человечество в едином порыве кует меч и щит, чтобы больше никогда не повторилась трагедия Земли. Как ни странно, огромные расходы на военно-промышленный комплекс Земной Федерации вызывают просто фантастический бум развития пустотной промышленности. Строятся новые заводы и орбитальные станции, появляются все новые и новые анклавов человечества на всех доступных космических телах Солнечной системы, воплощаются в жизнь самые амбициозные проекты. Люди еще никогда не обладали таким потенциалом. Но беда приходит оттуда, откуда ее совсем не ждут. Поистине, благими намерениями выстлана дорога в ад.

© Увалов В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Увалов

Стальные Волки. Сектор заражения

Пролог

Сто три года назад. Межзвездное пространство. Элемийская исследовательская станция.

Исследовательский пост рубежа номер 2283 ничем не отличался от тысяч подобных, расположенных на периферии подконтрольного Элем пространству. Еще недавно на станции царил рабочая атмосфера. Небольшая команда изучала изменения звездных ветров, метрику пространства вдали от гравитационного влияния светил. И, конечно, выполняла основную задачу по контролю пространства в радиусе десяти световых лет. Никакой объект, движущийся как в обычном пространстве, так и в гиперпространстве, не мог проскочить мимо целого кластера всевозможных сенсоров станции.

Так продолжалось бы и дальше, но неожиданно по всему пространству, контролируемому Элем, прокатилась череда мятежей, насилия и боестолкновений, разрушая все связи и командную вертикаль. И дальнейшее несение службы лишилось какого-либо смысла. Но на этом беды не закончились, и вскоре случилось то, что ввергло в состояние шока даже самых стойких элемийцев: опорный сигнал дворца порядка, связывающий в единую сеть все форпосты, колонии, станции, а главное, указывающий путь в гипере, просто исчез. Да, автоматы станции все так же продолжали работать, выполняя задачи согласно графику, но вот экипаж самоустранился в ожидании своей участи.

Перечитывая последние сводки, Эйф не мог отделаться от мысли, что теперь ему не удастся вернуться на Элем, где его ждет Нриор, и он никогда не увидит, как появляются на свет их дети. Эти мысли заставляли ускользать смысл прочитанного, и ему приходилось вновь и вновь начинать строку заново. От этого бесконечного процесса его отвлек шелест расходящихся створок гермодверей.

– Эйф, есть какие-то новости? – Старший координатор не стал следовать протоколу и сразу же задал интересующий его вопрос.

Эйф оторвался от консоли и взглянул наверх на три висящих экрана, на которых выводилась информация об уровне опорного сигнала. И везде горела одна и та же надпись: «Сигнал отсутствует».

– Сигнала по-прежнему нет во всех трех диапазонах, – ответил Эйф и снова уткнулся в консоль.

Старший координатор подошел ближе, остановившись за спинкой кресла, где сидел Эйф, и сам уставился в экраны. С минуту на посту связи царил тишина, после чего координатор заговорил снова:

– Это точно не похоже на сбой или поломку, иначе все бы уже восстановили. Да и дублирующих систем там валом. – Координатор выдержал небольшую паузу и продолжил: – Через час я собираю всех в зале совещаний, нужно выработать общее решение, и мне есть что рассказать. Не опаздывай.

Координатор закончил и, не дожидаясь ответа, вышел, а Эйф так и остался читать приходящие из колоний сводки, и поступающая информация сильно напоминала трактат Муари о конце времен. Через час он входил в зал совещаний, где за столом уже собрались девять членов экипажа из десяти.

– Садись, Эйф, только тебя и ждем. – Старший координатор указал на свободное кресло.

Эйф окинул взглядом присутствующих и отметил для себя, что цвет кожи у всех выражает тревогу и обеспокоенность, впрочем, как и у него самого. А в воздухе витало ощущение безнадеги, что очень сильно давило на психику. По периметру зала стояли четыре автомата, но Эйф не придавал этому значения, так как их полно ходит на станции, почему бы четверем из них не оказаться здесь. Затем он задержал взгляд еще на одном пустом кресле и спросил:

– А где техник Ватар?

– Садись, Эйф, сейчас наш медик все расскажет. – Когда Эйф все же занял свое место, координатор продолжил: – Иоран, расскажи, что удалось выяснить.

Эйф уже давно знал Иорана, но его необычный внешний облик постоянно притягивал взор. Он выглядел крупнее среднестатистического элемийца, а его рудиментарные две пары глаз были практически не заметны. Типичный полукровка, гены которых все еще встречаются на просторах Элема.

– Думаю, все в курсе происходящего, поэтому начну с главного, – приступил к рассказу Иоран. – Когда еще работал канал связи с метрополией, я получил подробные вводные, как обнаружить угрозу, и первым делом взял пробы тканей у всех членов экипажа станции. Иерархи каст надеялись, что хоть в каких-то удаленных колониях и на станциях экипажи не подверглись изменению. Но если таковые и есть, то точно не здесь.

Произнесенная новость не то чтобы потрясла присутствующих – все и так понимали, что шанс на положительный исход минимален, – но она вызвала ничем не прикрытый страх у тех, кто еще надеялся на лучшее. Особенно это было заметно по второму инженеру Элум: молодая элемийка, разменявшая всего двадцать циклов, лихорадочно меняла цвет кожи. Меньше всего новость отразилась на старшем координаторе и Иоране, видимо, потому, что они узнали об этом раньше остальных. Наблюдая за другими членами экипажа, Эйф ощущал, как внутри разгорается чувство несправедливости и желание наказать виновных, но еще больше хотелось жить.

Выдержав паузу, Иоран продолжил:

– Первые изменения в поведении удалось выявить у Ватара три дня назад. Он закрылся в себе, стал скрытен и раздражителен.

В голове Эйфа всплыли моменты последних встреч с Ватаром, и он вынужден был согласиться с выводами Иорана.

– Проведя повторные исследования Ватара, я обнаружил необратимые изменения в структуре его мозга. Поэтому он был немедленно изолирован, что оказалось крайне вовремя, так как менее чем через три часа он стал слишком агрессивен и перестал идти на контакт, – продолжил Иоран.

– Все это бессмысленно, мы все равно умрем? – пролепетала Элум, после чего втянула голову в туловище и закрыла все три пары глаз.

Все лишь на мгновение обратили внимание на естественную реакцию элемийки в состоянии крайнего психологического расстройства. В таком состоянии чего-то добиться от нее будет практически невозможно. Впрочем, никто и не пытался, так как все были склонны согласиться с ее высказыванием. А так она будет безопасна даже в измененном состоянии.

– Спасибо, Иоран, дальше я продолжу сам, – решил подключиться старший координатор. – Из сети координаторов я знал, что эту проблему выявили еще полгода назад.

– Так почему же вы молчали?! – Эйфа так жгло изнутри, что он не выдержал и ударил обеими руками о стол.

Удар был таким неожиданным и громким, что некоторые из присутствующих дернулись, а четыре автомата вдруг шагнули вперед. В другой ситуации старший координатор не потерпел бы такого неуважения к касте координаторов, но сейчас он лишь поднял руку, останавливая смертоносные машины, и, глядя прямо на Эйфа, с нотками обреченности произнес:

– И что бы это изменило? На связь с родными без разрешения мы выйти не можем, челноки, которые есть на станции, не способны прыгнуть в гипер, а ближайшее прибытие сменной команды только через полгода.

Ярость как пришла, так и схлынула без следа. Доводы старшего координатора имели смысл: это действительно ничего не изменило бы. А еще ему стало понятно, для чего здесь находятся автоматы. Эйф медленно убрал руки и сделал вид, насколько это было возможно, что готов слушать дальше. И это подействовало, координатор отвел от него взгляд и продолжил:

– Лучшие лаборатории занимались этим вопросом, но не смогли добиться успеха. Но удалось выяснить, откуда именно исходит угроза. – Пауза перед следующими словами создала такое напряжение среди немногочисленной команды, что казалось, его можно зачерпнуть рукой. – Эомер, приносящий дары, – наконец озвучил старший координатор.

– Я так и знал! – вдруг запричитал Иоран. – Я так и знал, что наша беспечность по отношению к Эомеру и тщеславие не приведут ни к чему хорошему!

Старший координатор будто бы не услышал Иорана, продолжая свой рассказ:

– Тогда и было принято решение его уничтожить, и к этому стали готовиться. Операция по устранению угрозы должна была начаться десять дней назад, но как все обернулось, мне не известно. В последних сообщениях говорилось об очень больших потерях при штурме. И исчезновение опорного сигнала только подтверждает, что все пошло не по плану. Это все, что мне известно. Теперь нам нужно решить, что делать дальше, – закончил координатор и приложил руки к груди, показывая, что ему больше нечего сказать.

В зале воцарилась тишина, и только система циркуляции атмосферы издавала еле слышимый, монотонный звук. У каждого члена экипажа в голове роились одна и те же мысли: «Что ни делай, а исход будет один». Эйф так же, как и все, пытался найти выход из безвыходной ситуации. Неожиданно он начал вспоминать самые яркие моменты в своей жизни. Экзамен на зрелость, получение первой степени полезности обществу, момент, когда он впервые увидел Элем из космоса, вступление в экспедиционные силы, первая высадка на чужую планету... На этом он особо задержался, вспоминая моменты эйфории, когда удавалось разбить врага, и моменты страха, когда казалось, что сейчас придет конец. Перед ним всплывали лица тех, кто были тогда с ним рядом и кого больше нет, затем вспышкой боли вспомнилось ранение, а после сползающая с лица пленка медицинского анабиозного контейнера и склонившийся над ним силуэт самой дорогой ему Нриор. Эйф вдруг встрепенулся, ухватив пришедшую ему мысль. Еще несколько секунд он обдумывал детали, а после заговорил:

– У нас в медотсеке есть контейнеры медицинского анабиоза. – Его голос звучал абсолютно безэмоционально, так как Эйф прекрасно понимал, что будет дальше, но решил оставить это на усмотрение координатора. – Они рассчитаны на два года непрерывной работы, но это программное ограничение, которое я могу убрать. Контейнеры смогут работать до тех пор, пока кто-нибудь извне не вмешается.

– Верно, это остановит изменения, – вдруг воодушевился Иоран.

– И что это нам даст? – спросил координатор.

– Не знаю, – ответил Эйф. – Возможно, все же найдутся те, кто не подвергся изменению, и они рано или поздно придумают, как с этим бороться. Но дело не в этом. – Эйф пристально посмотрел на координатора и медленно проговорил: – Проблема в том, что у нас их всего три.

По реакции старшего координатора Эйф не усомнился, что тот понял, о чем идет речь. А уже через час, лежа в геле анабиозного контейнера, он ощущал, как его конечности теряют чувствительность. Плотная обволакивающая пленка – последнее, что увидел перед тем, как сознание его покинуло.

Глава 1

Спустя два года после вторжения Кирианского флота. Звездная система HD 128605

Септус мчался по коридору не разбирая дороги. Встречающиеся по пути солдаты расступались в стороны, но некоторые не успевали, и тогда Септус сбивал их с ног и падал следом. Не обращая внимания на гневные окрики и боль от падения, он поднимался и продолжал бежать, а коридор, казалось, никогда не закончится. Новость, которую он хотел сообщить владыкам, была важнее всех этих мелких неприятностей.

Раньше Септус гордился своей работой, но с тех пор как на орбите появился астероид, напичканный под завязку этими тварями, он считал, что занимается бесполезным делом. Зачем держать каналы связи, если в дальнем космосе нет ни единого аппарата, с которым можно связаться?

Все произошло чуть больше месяца назад: станции слежения обнаружили объект, появившийся на окраине звездной системы. И сначала никто не придавал этому особого значения: типичный астероид или комета, ранее не обнаруженная из-за своего удаления. Спихватились тогда, когда это самый астероид начал двигаться во внутреннюю часть системы с постоянным ускорением. Но и тогда не посчитали это сколь-нибудь значимой угрозой, лишь начали постоянно отслеживать движение астероида в режиме реального времени. А уже две недели спустя стало поздно что-либо предпринимать. Какая-никакая оборона планеты, которая могла дотянуться до ближнего космоса, выдохлась в течение пары часов. Астероид оказался слишком огромным, чтобы нанести ему хоть какой-то значимый ущерб. Далее последовала орбитальная бомбардировка крупными камнями, способными преодолеть плотные слои атмосферы, не развалившись в воздухе, а после на планете стали появляться эти отвратительные жуки.

Но данные события происходили еще месяц назад, а сейчас, спеша по коридору, Септус представлял тысячи тварей, конца и края которым нет до самого горизонта. Как эти мерзкие жуки покрывают своей массой оборонительные порядки, прикрывающие город. Выстрелы, взрывы, изуродованные тела талов. И ничто не может их остановить: ни мощное вооружение, ни боевой дух солдат. А еще там, наверху, сражаются его дети, поэтому нужно как можно скорее сообщить новость.

Внезапно опора ушла из-под ног, и Септус повалился на пол; оказавшись на четвереньках, он еще несколько секунд ощущал вибрацию сооружения. Свет в коридоре замигал, а с потолка посыпался песок. Септус поспешил закрыть дыхательные пути, но пыль успела попасть внутрь, и, не удержавшись, он зашелся кашлем. Это продолжалось, может, с минуту, пока Септус не услышал так приятный любому талийцу голос:

– Проводник, что с вами, вам помочь?

Кашель как рукой сняло. Септус посмотрел на склонившийся над ним силуэт, и от удивления его уши сошлись на макушке. Рядом с ним находилась одна из матерей народа тал, совсем молодая на вид.

– Что вы здесь делаете? – позабыв обо всем, спросил Септус, но затем, вспомнив, где находится, стал подниматься на ноги.

Молодая талийка придержала его за руку, после чего уставилась на него огромными глазами. Эти глаза выражали все: боль за своих детей и страх перед грядущим. Септус с трудом оторвался от ее взгляда и стал озираться по сторонам. Как и следовало ожидать, рядом обнаружилась охрана из гвардии владык. Не теряя ни минуты, он быстро определил старшего и обратился к нему:

– Немедленно отведите мать в убежище, в коридорах не безопасно.

Старший охраны и так жалел, что пришлось остановиться, поэтому он с готовностью протянул руку:

– Госпожа, пойдете, я отведу вас в безопасное место.

Талийка уже сделала шаг в сторону охраны, но вдруг остановилась и, обернувшись, тихо произнесла:

– Меня зовут Сахи.

– Благодарю, – поклонился Септус на столь откровенный жест.

Он проводил Сахи взглядом, не в силах оторваться, а затем глубоко вздохнул, чтобы запомнить ее аромат. Матери – это самое ценное, что есть у народа тал. Гибель хоть одной из них просто невосполнимая потеря, поэтому они и находятся здесь, под землей, в самом безопасном месте. И любой талиец будет защищать мать, даже ценой своей жизни; не будет матерей – не будет и народа.

Септус вдруг вспомнил, что мать назвала ему свое имя, чего удостаивался не каждый, и его уши невольно сместились назад. Постояв несколько секунд, предаваясь фантазиям, он наконец встряхнул головой и пробормотал:

– Нет, я слишком стар для этого.

Дальнейший забег Септус преодолел безо всякого страха и бурных картин ужаса войны в своей голове. Все мысли упорядочились, и даже его шаг стал тверже. Мать хоть и совсем молодая, но, как и положено матери, вселила в него уверенность просто своим присутствием.

Путь в зону владык преграждали гвардейцы: высокие, широки в плечах и все как на подбор. Порой Септусу казалось, что это специально выведенный вид талов, впрочем, это было не так уж далеко от истины. Гвардейцы – действительно плод длительной селекции. Приближаясь к ним, Септус сбавил шаг, чтобы отдышаться, и, полностью восстановившись, задрал подбородок.

– Старший проводник Септус, – с гордостью произнес он, – сообщите владыкам, что я располагаю информацией наивысшего приоритета важности, которая может изменить ход войны. Они должны меня принять и выслушать.

Охрана переглянулась и осмотрела Септуса с ног до головы. Он вдруг вспомнил, что из-за многочисленных падений его одежда пришла в негодность, но постарался сделать самый невозмутимый вид, в конце концов, сейчас не праздник Вилоры, а идет война. Наконец гляделки закончились, и старший из них кивнул в сторону Септуса. Другой гвардеец тут же приблизился и громоподобным голосом заявил:

– Старший проводник, оставайтесь на месте, нам необходимо провести идентификацию вашей личности.

Септус не пошевелился, и гвардеец поднял висящий у него на груди прибор на уровень головы. Оттуда появился тонкий луч, который пробежался по лицу старшего проводника, заставив того заморгать.

– Все в порядке, личность подтверждена, – заключил гвардеец и отошел обратно.

Старший приложил руку к шее, где у него была гарнитура, и с минуту бесшумно шевелил ртом.

– Ожидайте, мы сообщили о вас владыкам, – наконец закончив, сказал он.

Понятно, что самим владыкам еще никто ничего не сказал, но запрос поступил на обработку свите, поэтому придется немного подождать. От нетерпения Септусу хотелось обмерять шагами все пространство перед входом, но он уже не юнец и способен сдерживать свои эмоции, по крайней мере, он так думал. Через полчаса таких пыток, когда у Септуса уже начала затекать спина, створки лифта открылись, и из них вышел кто-то из свиты рядового состава. Но тем не менее появление нового действующего лица вызвало соответствующую реакцию, и гвардейцы тут же приняли стойку.

– Где он? – обратился свитский к гвардейцам.

Старший кивнул в сторону Септуса, а проводник подумал: «Ну да, я такой незаметный, стою тут как статуя на проходе. Ничего, посмотрим, как ты заговоришь, когда я сообщу вла-

дыкам новость». Тем временем свитский также осмотрел Септуса и приглашающим жестом попросил следовать за ним.

Внутреннее убранство зоны владык не особо впечатлило Септуса, так как тот уже бывал здесь на разных торжественных мероприятиях, поэтому он сосредоточился на спине шагающего впереди сопровождающего. Дойдя до полупрозрачной двери, свитский вдруг остановился и попросил:

– Пожалуйста, подождите здесь, я сообщу владыкам, что вы ожидаете.

Септус кивнул, а сопровождающий исчез за дверью. По ту сторону бил яркий свет, и через полупрозрачную дверь были видны темные силуэты. Вот, кажется, свитский подошел к одному из владык и что-то ему сказал, но слов слышно не было, так как дверь полностью отсекала любые звуки. Выслушав, темный силуэт махнул рукой, и вскоре сопровождающий раскрыл перед Септусом дверь:

– Прошу, проходите, владыки ждут вас.

Септус решительно вошел внутрь помещения, которое оказалось командным пунктом, и, осмотревшись, тут же сдулся, и вся решительность испарилась, как и не было. На него взирали девять самых влиятельных талов на всей планете. Они, как и положено владыкам, занимались планированием боевых действий, стоя над картой местности, а на многочисленных экранах, развешанных вокруг, выводилось изображение ключевых событий с мест.

– Старший проводник, что вы хотели нам сообщить? – спросил у него стоявший ближе всего владыка.

В задавшем вопрос Септус узнал Патуса, владыку северного континента. Септус уставился на него и хотел уже начать расшаркиваться в извинениях, все-таки перед ним владыка. Но вдруг он вспомнил выражение глаз Сахи, и это, как по волшебству, снова придало ему уверенности. Ему нечего бояться, а уж тем более извиняться за свое присутствие здесь.

– Владыки, – Септус обвел взглядом всю девятку, – два часа назад, на окраине системы вышел неопознанный инопланетный флот.

– Подкрепление? – удивился Патус и тут же посмотрел на одного из своей свиты.

Тот, поняв невысказанный вопрос, умчался куда-то в глубь помещения.

– Нет, нет, – опомнился Септус. – Я уверен, что это не подкрепление врагу, а наоборот, помощь нам.

– С чего вы это решили? – не выражая никаких эмоций, спросил Патус.

– Дело в том, что как только они появились в нашей системе, то принялись вещать на всю систему в широком диапазоне частот.

– Это еще ни о чем не говорит.

В это время вернулся свитский, и его лицо выражало радость и нетерпение.

– Владыка, астероид жуков начал разгон! Они покидают орбиту, владыка!

Атмосфера в командном пункте мгновенно преобразилась. Все вдруг замерло, а на лицах владык и их свиты стала появляться надежда и облегчение. Почувствовав это, уши Патус сошлись на макушке, он обернулся и несколько секунд пристально смотрел на остальных владык, после чего сказал:

– Разве мы уже выиграли войну? Разве планета очищена от этих мерзких жуков?

Септус подумал, что, пожалуй, Патус – достойнейший из владык, что видно по реакции присутствующих.

– Если объявившиеся силы действительно пришли нам помочь, хотя в это мало верится, – продолжил Патус, – то это не освобождает нас от защиты городов и зачистки гнезд этих тварей. А если это еще какие-нибудь захватчики, которые решили пожить на пепелище? – Выдержав небольшую паузу, Патус добавил: – Мы не должны терять бдительность и хотя бы на этот раз подготовиться к встрече.

Речь владыки произвела должный эффект, и командный пункт заработал с прежней отдачей. Забегали свитские, продолжилось озвучивание докладов с мест боевых действий, и уже ничего не напоминало случившуюся минутную слабость. Тем временем Патус снова обратил свое внимание на Септуса:

– Старший проводник, а почему вы не сообщили об этом по связи?

Септус вдруг понял, что он действительно мог сообщить об этом по каналу связи, а не совершать этот безумный забег и тут же прижал уши.

– Простите, владыка, мысль о том, что я, наконец, могу сделать что-то полезное, овладела мной настолько, что позабыл обо всем.

Уши владыки слегка разошлись в стороны, и он подошел ближе, положив свою руку Септусу на голову.

– Ничего, – владыка посмотрел в сторону, и его свитский тут же дал ему подсказку, – ничего, Септус, вы все правильно сделали. И если вы окажетесь правы насчет их намерений, то я в долгу не останусь. – Патус на мгновение замялся, а потом спросил: – Что они хоть передают?

– Пока не знаю, владыка. Но судя по характерным маркерам, очень похоже на базовые ключи для выработки языка общения. Я успел проконсультироваться с нашими слововедами.

– Очень хорошо. Люблю инициативных. – Патус вдруг резко отошел в сторону и официальным тоном продолжил: – Старший проводник Септус, вы назначаетесь ответственным за контакт с пришельцами. – И уже более тихо добавил: – Если таковой состоится. И ежедневно будете докладывать лично.

– Благодарю, владыка. – Септус поклонился и, повинувшись сигналам недавнего сопровождающего, тихонько выскользнул за дверь.

Направляясь по тому же злосчастному коридору, Септус держался так, будто сам владыка, и, чувствуя это, перед ним расступались все, кто встречался на пути. Его опрометчивый поступок обернулся взлетом карьеры, но он понимал, что это аванс. Входя в пункт дальней космической связи, Септус молился, чтобы он оказался прав.

* * *

Гиперпространство. Мостик крейсера «Коперник», класс «Первопроходец»

– Фёдор Артёмович, – с характерным немецким акцентом обратился старший помощник, – мы на месте, сигнал приводного маяка устойчив, колебания уровня сигнала в пределах допустимого. Ждем вашей команды на начало выхода.

Капитан оторвался от созерцания телеметрии на проекционных экранах и, немного повернувшись в ложементе, кивнул:

– Командуйте, старпом.

– Да, сэр.

Лотар козырнул и взглянул на офицера связи, тот понял его без слов и активировал внутреннюю общекорабельную связь. На мостике, как и по всему кораблю, прозвучал звуковой сигнал: слушать всем.

– Внимание, говорит старший помощник Лотар Коч. Всему экипажу приготовиться к выходу из гиперпространства.

После того как голос старпома, раздававшийся из динамиков, стих, весь наличествующий состав корабля пришел в движение. В коридорах стали разноситься возгласы, а местами и нецензурная брань, выражавших свое недовольство сержантов. Центральный коридор заполнили десятки матросов и офицеров, двигавшиеся в разных направлениях. Дежурная смена занимала свои места согласно штатному расписанию, а все остальные спешили занять противоперегрузочные ложементы. Двести семьдесят человек торопились выполнить команду, и, возможно, со стороны это могло показаться хаосом, но это только со стороны. Многочасовые

тренировки, проводимые еще на верфи, сделали свое, и меньше чем через минуту из отсеков корабля на мостик стали приходить сигналы о готовности.

– Господин капитан, «Коперник» готов к прыжку, – доложил старпом, когда на выведенной на экран блок-схеме все отсеки горели зеленым.

Капитан посмотрел на браслет с таймером, закрепленный на левом запястье, отмечая про себя хорошую выучку экипажа, уложившегося раньше норматива. Это была уже четвертая остановка в этой миссии на пути к звездной системе, находящейся на расстоянии более трехсот световых лет от Земли. Промышленность Земной Федерации еще не создала достаточно мощные приводные маяки, сигнал которых был бы устойчив в гипере на таком удалении, поэтому приходится устанавливать цепочку маяков-ретрансляторов. Но если раньше для подобного требовался целый флот, то сейчас задачу по картографированию звездных систем и прокладке пути в гипере выполнял всего один корабль класса «Первопроходец». Огромный, длиной почти километр, сопоставимый по размеру с небольшими орбитальными станциями. Вершина научной и инженерной мысли человечества.

Капитан Юдин окинул взглядом мостик – да, это не та тесная комнатуха, которая была на его предыдущем корабле. При желании здесь может разместиться вся бывшая команда фрегата. Но ценность «Коперника» не в его размерах, а в его возможностях. Это полноценный дом для трех сотен человек, со своими мастерскими, комнатами отдыха, запасами пищи, экосистемой и многим другим, что дает возможность находиться в автономном полете долгое время. Можно сказать, что сбылась детская мечта Юдина – путешествовать по космосу и посещать далекие неизведанные миры, разгадывать их тайны. Конечно, тайн стало меньше, но вот в остальном случилось так, как и хотел тогда еще маленький мальчик, глядя на миллиарды звезд в ночном небе.

Фёдор Артёмович улыбнулся своим мыслям, но затем натянул на лицо серьезную маску и приказал:

– Выход разрешаю. Действуйте по протоколу семь два.

– Да, сэр! Протокол семь два, – подтвердил получение приказа старпом и продолжил: – Открыть переход!

В красно-черном мареве перед носом корабля появилась искра, которая мгновенно развернулась в воронку. А на самом дне воронки виднелась чернота обычного космоса с краплениями маленьких точек звезд.

– Приготовить зонд под номером двадцать шесть к старту. – Лотар ткнул пальцем в нескольких местах консоли, давая свое разрешение, и скомандовал: – Старт!

На одном из проекционных экранов камера транслировала, как от корпуса «Коперника» отделился цилиндр и медленно начал отходить от корабля. Затем цилиндр пыхнул облачками газа маневровых двигателей, и отход ускорился. Проект первопроходца задумывался как пилотный образец для линейки военных крейсеров, поэтому часть оборудования для задач «Коперника» инженеры разместили снаружи корпуса. А на месте, где по задумке инженеров должны быть торпедные аппараты и погреба, разместили палубы для челноков и устройств для внекорабельной деятельности. Даже пару гигантских рук-манипуляторов установили на внешней обшивке – все для возможного ремонта на месте. Но это не значит, что «Коперник» совсем без зубов: стандартные системы ПРО и пушечное вооружение ближнего радиуса действия способны отогнать любого случайного неприятеля.

Объектив камеры продолжал следить за цилиндром, постоянно удерживая его в фокусе. Когда расстояние превысило допустимое по технике безопасности, на корпусе цилиндра стали разворачиваться штанги приборов и антенных решеток. Затем зонд словно ожил от длительной спячки, выдал импульс маневровых двигателей, резко повернулся и тут же погасил вращение. Длинный хвост плазмы, вырвавшийся из магнитного сопла, направил зонд прямо в воронку.

За мгновение зонд успел набрать скорость почти километр в секунду относительно «Коперника», но камера удерживала фокус, пока тот не исчез в воронке.

– Получаем телеметрию с зонда, – доложил офицер поста объективного контроля и через мгновение добавил: – Горизонт чист, никаких посторонних объектов. Идет сверка координат.

Весь экипаж «Коперника» состоит в основном из ученых и инженеров, и все прекрасно знают, что гиперпространство – непредсказуемая среда и без ориентирования на сигнал приливного маяка приливные силы могут утащить корабль куда угодно. Даже смещение на один километр в гиперпространстве может привести к перемещению в реальном пространстве на сотни световых лет, и, однажды потеряв сигнал, корабль практически теряет шансы вернуться обратно. А ориентируясь на маяки, можно с достаточной точностью определить правильное направление и точку выхода, но чем дальше от источника сигнала, тем меньше точность. Поэтому, несмотря на то, что это не первый выход из гипера, все присутствующие на мостике затаили дыхание в ожидании, пока зонд сориентируется по звездам и уточнит координаты.

– Координаты определены, – наконец через минуту поступил доклад. – Отклонение от искомой точки – тридцать шесть световых часов.

– Отличный результат. Продолжайте, старпом. – Капитан решил отметить экипаж, так как результат действительно был хорош, точнее, чем в предыдущий раз.

– Прыжок! – прозвучала команда от Лотара.

Позади «Коперника», как ранее у зонда, вырвался хвост раскаленной плазмы, испускаемый двадцатью четырьмя плазменными двигателями, и корабль двинулся к воронке. Через несколько секунд он рванулся вперед, визуально уменьшаясь в размерах, чтобы вынырнуть по ту сторону, на просторы бесконечной черноты космоса. На проекционных экранах, на которые шла трансляция с внешних камер, красно-черное марево сменилось россыпью ярких звезд. В это время на мостике прошел еле уловимый шум, капитану даже показалось, что это выдох облегчения. Впрочем, это было недалеко от истины, так как после многодневного путешествия в гипере возвращение привычного глазу пейзажа Вселенной воспринимается как возвращение домой.

* * *

После выхода «Коперника» из гипера он еще несколько минут ощупывал пространство своими сенсорами. Зонд, конечно, хорошо, но на корабле системы сканирования куда мощнее, да и лишняя подстраховка не помешает. Когда все меры предосторожности были соблюдены, огромная гравитационная секция пришла в движение и начала медленно вращаться, с каждой секундой прибавляя в скорости.

Несмотря на миллиарды звезд вокруг, свет от них с трудом освещал корпус корабля, но внезапно свет прожекторов развеял мрак. Они стали зажигаться, начиная от носа «Коперника» и постепенно продвигаясь к корме, будто бы кто-то очень быстрый бежал внутри корабля и последовательно нажимал на выключатели. А в это время инженерная команда готовилась приступить к работе.

– Привет, Джимми, – вразнобой поздоровалась с парнем палубная команда, выходящая из гермодверей. И кто-то из толпы добавил: – Отлично ты его вчера отделал.

«Да уж, отлично», – подумал Джимми и непроизвольно потянулся к лицу, но забрало шлема скафандра помешало руке, издав лишь глухой звук. Вчера в столовой один из техников по имени Дуайт назвал его сосунком, и парню пришлось вежливо попросить забрать свои слова обратно. Вежливость и учтивость не помогла, и перебранка быстро перешла в портер. Несмотря на то что Джимми явно уступал в весовой категории, ему удалось отделаться лишь рассеченной бровью и несколькими ссадинами. А вот Дуайт вышел из потасовки со сломанным

носом, разбитой губой и выбитым зубом. Это была уже не первая стычка, и начались они еще на фрегате «Лянчжоу», где самого молодого члена экипажа пытались всячески поучать. И всякий раз парень попадал в лазарет, но благо медицина в нынешнее время творит чудеса. Вот и в этот раз медики, быстро привели все в порядок, но руки то и дело норовят прикоснуться к месту, где была рана.

Джимми поднял руку в ответном приветствии и осмотрел инженерную палубу. Она представляла собой сквозную дыру прямоугольной формы, находящуюся в кормовой части корабля и запирающуюся с обоих концов гермоворотами. Внутри царил суев, но каждый человек знал свои обязанности и практически на автомате вел подготовку к сбору маяка.

Заметив какое-то движение слева, он повернулся и увидел, как ворота ангара начали открываться. Это привлекло его внимание, и он медленно подошел к краю палубы, взявшись рукой за край проема. В это время ворота уже почти полностью открылись, и перед парнем предстал потрясающий вид на Млечный Путь. Яркая полоса звездного диска Галактики, окутанная межзвездным газом, проходила почти параллельно проему ангара и притягивала взгляд.

Тот отчаянный поступок на верфи у Плутона и полет на фрегате «Лянчжоу» оказался неудачным. Капитан Пенг Чжан догнал свою эскадру, как и хотел, но вот по прибытии в систему Хадар эскадра сразу же вступила в бой. И фрегат был подбит, так и не сделав ни единого выстрела. Удар пришелся не в защитные баки на носу, а в БИЦ2 в кормовой части, где как раз и находился новоиспеченный связист. Как следствие, потеря сознания и обеих ног. Очнулся Джимми на станции в гипере, когда бой уже был окончен. Далее долгий и тяжелый перелет в Солнечную систему на переполненном под завязку буксире, госпиталь и реабилитация. Ноги, конечно, ему восстановили, но вот обратно на боевой корабль не взяли, зато предложили должность диспетчера-оператора инженерной палубы на строящемся тогда «Копернике».

– Нравится смотреть на звезды?

Парень так увлекся разглядыванием окружающего пространства, что голос Хелен, неожиданно прозвучавший в наушниках шлема, заставил его дернуться. Он резко обернулся, и его рука неожиданно соскользнула, потеряв опору. Это привело к тому, что Джимми начал заваливаться в сторону открытых ворот. Гравитация в задней части корабля, где находились инженерные палубы, отсутствовала, поэтому в подошвы скафандров обслуживающего персонала, были встроены небольшие магниты, чего в условиях невесомости вполне достаточно, чтобы свободно передвигаться. Главное, не делать резких движений, но думать об этом было уже поздно, и, взмахивая руками, как заправский пловец на спине, Джимми стал вываливаться наружу.

За мгновение до того, как парень полностью вывалился бы за борт, Хелен успела схватить его за транспортировочную скобу на скафандре и рывком втащила Джимми обратно, подтянув к себе вплотную.

– Ты чего такой пугливый? – с улыбкой спросила Хелен, продолжая удерживать парня.

Но тот как рыба открывал и закрывал рот, пытаясь унять бухающее в груди сердце. Конечно, ему ничего не угрожало, даже если бы он оказался за бортом, но у страха глаза велики. Наконец он успокоился и с обидой в голосе произнес:

– Не делай так больше.

– Как? Больше не ловить тебя? – с лукавой улыбкой спросила Хелен.

В этот момент Джимми осознал, что хоть на них скафандры, но он так близко стоит к Хелен, что сам никогда бы себе такого не позволил. Его лицо залилось краской, что не скрылось от девушки.

– Он еще и стеснительный, – фыркнула она и медленно отпустила парня.

Джимми так и остался стоять как истукан, не зная, куда себя деть от такого позора. Неловкая пауза с гляделками друг на друга затягивалась, и вдруг Хелен отстегнула свой планшет и подошла к парню сбоку.

– Смотри, сейчас самое интересное начнется.

Девушка поводила пальцем в перчатке по планшету, и на экране появилось изображение с одной из внешних камер, которая смотрела вдоль корабля. Внезапно корпус словно обзавелся сотнями мелких отверстий, зияющими своими черными провалами. Но вскоре из них стали появляться технические пауки, расплзаясь во все стороны, и они все прибывали и прибывали. Через минуту их стало настолько много, что казалось, будто внешняя обшивка шевелится.

Возмущению Джимми не было предела, он злился на самого себя, что второй год на «Копернике», но не удосужился взглянуть другие камеры, кроме палубных. Но вскоре злоба отошла на второй план, так как картина происходящего заполнила все его внимание. Поначалу он не мог понять, что происходит, но потом вспомнил теорию из курса астрофизики: *«Пустое космическое пространство на самом деле таким не является, как и гиперпространство, и в каждом кубическом метре присутствуют частички пыли и газа, хоть и в очень малых количествах. Но бывает, попадают мелкие камни, пузырьки и огромные глыбы, даже блуждающие планеты, когда-то выброшенные из своих звездных систем. И самые опасные из них – это как раз мелких и средних размеров, которые не заметны для радаров, но на больших скоростях могут нанести непоправимый ущерб»*. Вот пауки и занимались поиском дефектов и их устранением.

– Хватит там ворковать, – послышался ехидный голос Юры, старшего оператора и по совместительству главы смены. – Вон уже захват подходит к проему.

Джимми встrepенулся и посмотрел в сторону открытых ворот. Там действительно показался захват одной из рук-манипуляторов, словно какой-то великан просовывал свою руку в щель.

– Спасибо, что показала мне это, – произнес парень. – Но мне нужно работу делать, вон, – он кивнул в сторону шестигранной платформы, поднимающейся на палубе с нижних отсеков, – уже энергетический модуль на подходе.

Девушка улыбнулась, хитро подмигнула и, уже оборачиваясь, произнесла:

– Будешь должен.

Джимми проследил за походкой Хелен, и, что самое удивительное, шла она так, как будто на ней нет скафандра и подошвы не прилипают к полу. В общем, походка была такой, какая бывает у женщин, когда они хотят, чтобы их оценили. Он вздохнул и перевел взгляд на вползающий в ангар захват, дальше предстояла привычная рутина.

Приводные маяки довольно громоздкие, и в транспортном варианте вешать их снаружи не представляется возможным, так они сильно нарушат центровку. Поэтому конструкторы решили сделать их сборными. Сначала манипулятор вытаскивает энергетический модуль с реактором внутри, который послужит основой, и будет его удерживать на удалении. А второй манипулятор начнет по очереди вытаскивать панели охлаждения, сервисный модуль, антенну и прочие запчасти. Так как части маяка не маленькие, то и руки-манипуляторы соответствующие: диаметр прямых участков достигает пяти метров. Но это только несущий каркас, а внутри специально оставлена полость, по которой техники добираются внутри манипулятора до места работы.

И сегодня как раз смена Дуайта монтировать маяк. Джимми махнул рукой в приветствии торчащей из сервисного люка манипулятора бородатой роже, злобно зыркающей на него. «Удивительно, как она ему не мешает в шлеме», – подумал Джимми и активировал интерфейс скафандра, после чего заторопился к энергетическому модулю, вокруг которого столпились инженеры и техники.

– Вы чего встали! – заорал он в гарнитуру. – Не видите, что манипулятор приближается?! Сейчас придавит, и мокрого места не останется! – Он подошел ближе к узлу стыковки и уже спокойно произнес: – Юра, опусти клешню на тридцать миллиметров ниже, а то, как в прошлый раз, поцарапаешь приемные лепестки.

* * *

– Лотар! – услышал позади себя старпом.

Оглянувшись, он увидел, как в оживленном центральном коридоре его нагоняет капитан. Лотар перехватился другой рукой за поручень и развернулся лицом к Юдину.

– Да, капитан.

Фёдор Артёмович подлетел вплотную и спросил:

– Вы не сопроводите меня в кают-компанию?

Лотар хорошо выучил капитана за два года совместной работы, и сейчас все говорило о том, что Юдин хочет о чем-то поговорить.

– С удовольствием, – ответил старпом и развернулся в сторону лифтов.

Центральный коридор крейсера куда больше, чем у фрегата, его диаметр – почти двадцать метров. И если человек одет только в скафандр индивидуального спасения, то в условиях невесомости приходилось перемещаться только у стенок коридора, где есть специальные скобы. А правилами заведено, что верхняя, относительно корабля часть, выделялась под движение к корме, а нижняя – к носу, своего рода двустороннее движение. Центральное же пространство отводилось для грузовых платформ, которые имели свои реактивные двигатели на основе сжатого воздуха.

Юдин занял место по правую руку от старпома, и они, перебирая руками, вместе направились к лифтам.

– Как идут работы по монтажу? – равнодушно поинтересовался капитан.

– Все отлично, сэр, команда справляется, впрочем, как и всегда. Уложимся точно в срок.

– Лотар, – после небольшой паузы спросил капитан, – насколько я знаю, это ваш последний полет в должности старпома, верно?

– Да, сэр. – Старпом проводил взглядом обгоняющих их стаю технических пауков и продолжил: – Скоро достроится крейсер «Пикин», и меня прочат на должность капитана на этом корабле. Служба на «Копернике» – это моя подготовка, так как корабли очень схожи.

Лотар Коч удивился такому вопросу, так как Юдин точно должен был ознакомиться с делами старших офицеров. И последнее слово при переводе также за ним, без его санкции и рекомендаций о переводе можно забыть. От подобных мыслей у старпома екнуло под ложечкой, но капитан успокоил Лотара, пресекая дальнейшую цепочку мыслей.

– Что ж, вы будете отличным капитаном, Лотар, я дам вам лучшие рекомендации. Жаль, конечно, терять такого старшего помощника, но, к моему большому сожалению, я считаю вас лучшей кандидатурой на эту должность.

– Спасибо, сэр. – Лотар, будто весь засветился от такой похвалы, – После вас, капитан.

Они, наконец, достигли предлифтовой зоны и стали забираться в кабину. Лифты были еще одной отличительной особенностью данного типа кораблей, в отличие от фрегатов, где в гравитационную секцию попадали с помощью прямой лестницы. Но из-за возросших размеров этот процесс отнимал бы много времени и сил. Особенно на конечном участке пути, где центробежная сила уже придавала телу вес.

Лифтовая зона медленно вращалась, поэтому сначала капитан, а вслед за ним старпом ухватились за движущиеся скобы, чтобы получить такое же вращение. Угловая скорость в центре вращения была незначительна и не вызывала дискомфорта, тем не менее уже ощущалось легкое притяжение к стенкам коридора. Впрочем, это никак не мешало, а наоборот, помогало

опуститься в лифт, который представлял собой полый цилиндр без верха, куда оба офицера и нырнули. Коснувшись пола лифта и прилипнув к нему подошвами, капитан произнес:

– Нижняя палуба.

Лифт тронулся, и, наконец, Юдин задал тот вопрос, ради которого он и позвал с собой старпома.

– Скажите, Лотар, что вы обо всем этом думаете?

– О чем, сэр? – с недоумением во взгляде ответил старпом.

– Зачем мы прокладываем маршруты и устанавливаем маяки на каких-то бессмысленных направлениях?

Лотар Коч задумался. И действительно, все маршруты, которые они проложили за эти годы, вели в абсолютно бесперспективные звездные системы с точки зрения освоения и вдали от уже открытых чужих цивилизаций. Да и темпы строительства форпостов и колоний вне Солнечной системы сильно отстают от прокладки новых маршрутов, если не сказать катастрофически.

– Я как-то раньше не задумывался об этом, сэр, – пожал плечами старпом. – Возможно, на перспективу.

– М-да... на слишком отдаленную перспективу, – задумчиво произнес капитан.

Когда преодолели треть пути к краю гравитационной секции, стала хорошо ощущаться сила, давящая вниз, и уже можно было не держаться за поручень для равновесия. Но все еще недостаточная, чтобы ощутить полный вес тела.

– А вы что думаете, капитан? – Лотар переступил с ноги на ногу, снова привыкая к тяжести.

Капитан уже хотел что-то сказать, но внезапно сила, притягивающая к полу, возросла кратно, заставив обоих офицеров упасть. А затем вектор силы резко поменялся, сделав из стены пол, и первым влетел в стену капитан, а за ним и старпом, припечатав Юдина своим телом. После чего мгновенно наступила невесомость и пропало освещение.

От удара головой Лотар на пару секунд потерял сознание и, когда пришел в себя, увидел тусклый красный свет аварийного освещения, а через мгновение взвыла сирена. Еще плохо соображая, в шуме воя баззеров тревоги, он вдруг услышал стон.

– Капитан! Сэр! – Вспомнив недавние события, старпом бросился к парящему в невесомости телу.

Быстрый осмотр показал, что никаких критичных повреждений у капитана нет, скорее всего, просто вышибло дух, когда он сам же его и приложил со всего маху. Недолго думая, старпом потряс Юдина, а затем и пару раз ударил по щекам, и это возымело действие. Капитан открыл глаза и с ошарашенным видом осмотрелся вокруг. И нужно отдать капитану должное, он практически мгновенно пришел в себя.

– Старпом, что происходит?

– Не знаю, капитан, я очнулся немногим ранее вашего.

– Корабль! – Юдин вдруг встрепенулся и стал ощупывать свое ухо. – Да чтоб тебя, где-то выронил гарнитуру!

Лотар понял, что сам не сообразил ею воспользоваться, хотя она у него была на месте, и хотел уже сказать об этом капитану, как тот вдруг оттолкнулся от стенки и пролетел к противоположной, где находилась панель управления.

– На мостике, здесь капитан, что происходит? Что с кораблем?

Целых пять долгих секунд никто не отвечал, но затем молодой взволнованный голос заявил:

– Говорит третий лейтенант Зума, навигационный пост. Капитан, на мостике неразбериха, старшие офицеры находились вне ложементов, и им сильно досталось.

Юдин поморщился: расслабились за два года комфортного полета.

– Причины случившегося пока неизвестны, – продолжил лейтенант, – пытаемся выяснить, но со всего корабля приходят сообщения о раненых и повреждениях.

– Ясно, – буркнул капитан. – Продолжайте выяснять причину, буду у вас через пять минут.

– Да, сэр, – донеслось из динамиков.

Но Юдин уже переключился на другую линию:

– БИЦ2, здесь капитан. Доложите обстановку.

Второй боевой информационный центр, по сути, дублировал первый, то есть мостик. В случае вывода из строя первого должен взять все функции управления кораблем на себя, и, в отличие от мостика, находится он в корме. Но, похоже, там случилось что-то посерьезнее, чем царапины и ссадины, так как он продолжал молчать несмотря на несколько попыток капитана достучаться хоть до кого-нибудь. Наконец, прекратив это занятие, Юдин включил общекорабельную связь:

– Внимание, говорит капитан Юдин. Всему свободному экипажу прибыть на места несения службы и доложить о ситуации. – Отпрянув от панели, он посмотрел в шахту лифта: – Так, старпом, мне нужно на мостик, и единственный путь – там. – Он указал туда, откуда начался спуск. До горловины было метров тридцать. – Гравитационная секция остановлена, поэтому двигаемся быстро, без остановок и будем надеяться, что ее не запустят, пока мы в шахте.

* * *

Подъем по лифтовой шахте не занял много времени, да и подъемом это назвать нельзя, так как в условиях невесомости исчезает понятие низа и верха. Но, как бы там ни было, капитан и старпом достигли горловины шахты и выскочили в центральный коридор. Картина, представшая перед ними, выглядела апокалиптически. В длинной и просторной ребристой трубе, освещенной только красным аварийным светом, царили бардак и хаос. Повсюду летал мусор, части экипировки, тела людей, находящихся без сознания, – и все это перемещалось в постоянном Броуновском движении. В метрах тридцати от лифтовой зоны, в стене коридора торчала грузовая платформа, которая пыталась самостоятельно выбраться, постоянно выпуская сжатый воздух в разные стороны.

Но в хаосе проклевывалось и зерно порядка: с обеих сторон виднелись группы из состава аварийной команды и спасателей, которые собирали людей и либо приводили их в чувство, либо отправляли в медотсек. Плюс к этому, тем же занимались полностью заповоленные коридор технические пауки. Прекратив озиаться, капитан приказал:

– Старпом, отправляйтесь в БИЦ2 и доложите, что там происходит.

– Да, сэр, – отдал честь Лотар и, кувыркнувшись на месте, устремился в кормовую часть корабля.

– А я на мостик, – буркнул Юдин и также стал продвигаться к носу корабля.

Влетев на мостик, капитан остановился на мгновение, чтобы оценить обстановку, но тут порядок уже был восстановлен. Большинство находилось в своих ложементках, а часть – в руках медиков. Разглядев капитана, к нему подлетел дежурный офицер и отчеканил:

– Господин капитан первого ранга, управление кораблем восстановлено. Аварийные команды направлены в поврежденные отсеки. . .

– Что случилось? – Юдин прервал доклад взмахом руки.

– Какая-то ерунда, господин капитан первого ранга. Судя по анализу случившегося, произошел незапланированный запуск генератора гиперпространственной воронки.

– Мы в гипере? – удивился Юдин.

– Никак нет. Корабль только начал входить в зону действия воронки, когда генератор отключился. Мы успели сместиться в пространстве, после чего инерция, обретенная во время попытки входа, протащила нас еще несколько сотен тысяч километров на огромной скорости.

– Разве это возможно? – еще больше удивился Юдин.

– Не знаю, я не слышал о такой возможности, но приборы и внешние повреждения корпуса говорят именно об этом.

На самом деле эти слова для Юдина были облегчением, так как он предполагал нападение, которое он и его команда проспали.

– Ясно. Я хочу сам на это взглянуть, – бросил капитан и, оттолкнувшись от переборки, пролетел прямо к своему ложементу.

Устроившись внутри, он хлопнул ладонью по кнопке-грибку, и его сверху накрыла крышка, отсекающая все посторонние звуки. Виртуальная реальность будто прыгнула на него, и Юдин оказался в боевой информационной среде. Здесь также присутствовали люди со всех уголков корабля, и каждый занимался своим делом, но капитан не стал на них обращать внимания, а сразу активировал интерфейс и вызвал обзор корабля. Тут же перед ним в воздухе появилась объемная модель «Коперника», около шести метров в длину. А через мгновение живой и электронный мозг корабля наложил все изменения, полученные с камер и датчиков, на модель.

– Ну, не все так плохо, на первый взгляд, – пробормотал капитан и стал вращать модель.

Если предположить, что они и вправду преодолели несколько сотен тысяч километров на огромной скорости, то немудрено, что «Коперник» собрал по пути весь мусор, летающий в пространстве. Повреждения корпуса как раз и выглядели так, будто корабль влетел в метеоритный поток, в очень плотный метеоритный поток. «Коперник» окружал разномастный мусор, двигающийся вместе с кораблем, а сам корпус зиял множеством мелких дыр, местами из которых выходило газообразное вещество. Юдин моментально вывел перед собой статистику по количеству жизненно важных компонентов, но там было все в порядке, утечки нет – значит, это какой-то технический газ или продукт горения.

Обшивка, конечно, повреждена, но она либо сама зарастет, либо можно поставить заплатки, а вот все выступающие части, такие как антенные решетки и пушечное вооружение, были сметены. Это еще повезло, что не попало ничего крупного. «Похоже, здесь не сотни, а миллионы километров пришлось преодолеть, чтобы собрать мусор на такие повреждения», – подумал капитан и, ухватившись за модель, подтащил к себе, чтобы рассмотреть кормовую часть. Здесь его ждал сюрприз. С одной стороны была огромная рваная вмятина, в месте, где находились инженерные палубы, которую он сразу не заметил из-за перекрывающей обзор гравитационной секции. Но не успел он как следует ее разглядеть, как перед капитаном появилась пиктограмма вызова и он ее машинально активировал.

– Капитан, сэр, говорит старпом Коч. Я в переходном отсеке в БИЦ2, за ним открытый космос, – доложил Лотар и после небольшой паузы добавил: – БИЦ2 больше нет, сэр.

– Я вижу, старпом. Оставайтесь там на месте и берите аварийные бригады под личный контроль.

– Да, сэр, – подтвердил получение приказа старпом и отключился.

Мозговой центр корабля и сам понял, где самые опасные и наибольшие повреждения, и окрестности вмятины уже кишели пауками. Они что-то отрезали, что-то приваривали, да и команда не дремала, но действовала изнутри – в общем, работа по спасению корабля шла полным ходом. Нужно отдать экипажу должное: если вначале Юдин скрипел зубами от нерасторопности подчиненных, то сейчас экипаж пришел в себя и действовал как слаженная машина. То и дело на модели появлялись выноски с докладами, дублируемые системными сообщениями корабля о состоянии отсеков и предпринимаемых действиях.

Осмотр корабля по отдельным отсекам на удивление радовал капитана. Большинство, если не считать участка вмятины, подсвечивалось зеленым и местами слегка желтым цветом, только наружная часть вся алела красным с вкраплениями оранжевого. Но Юдина что-то смущало в этой картине, и он никак не мог уловить мысль. Он снова посмотрел на огромную вмятину, почему-то именно на этом месте свербело, что он что-то упускает. И внезапно догадка сама всплыла на поверхность, окатив его холодком по спине. Капитан движением руки резко смахнул модель в сторону и произнес в пустоту:

– Корабль, начать визуальный поиск объектов в окрестностях корабля.

Все внешние РЛС на данный момент выведены из строя, и «Коперник» ослеп на один глаз, и единственным способом осмотреться вокруг оставались только работающие камеры и глаза, которые корабль мог дополнительно вырастить на корпусе.

– Параметры поиска? – прозвучал мужской баритон.

Хороший вопрос, – подумал капитан.

Сейчас вокруг болтается столько мусора, что найти что-то конкретное – та еще задачка.

Юдин немного прикинул, где искать и что искать. После чего выдал:

– Поиск объекта техногенного происхождения. Размер объекта: от десяти метров и выше.

Область поиска: сфера радиусом от десяти километров и дальше.

– Принято. Начинаю поиск.

– Вывести процесс поиска, – спустя несколько секунд добавил капитан.

Перед Юдиным развернулась полусфера, состоящая из десятков окон с изображением космического пространства, в каждом из которых невидимый оператор очень быстро наводился то на один объект, то на другой. Периодически одно из окон вываливалось из общей кучи и увеличивалось в размерах, при этом выдвигаясь ближе к Юдину, и тот с раздражением произносил: «Не то», смахивая его обратно. Действия капитана привлекали внимание и экипажа, находящегося в виртуальной среде и то и дело оборачивающегося посмотреть на происходящее.

Мусора вокруг действительно было много, поэтому процесс поиска занял минут сорок, но наконец один объект заинтересовал капитана. Он уже хотел машинально смахнуть очередное приблизившееся окно, но остановил руку на полпути. Ухватившись за него руками, Юдин еще больше увеличил размер окна и стал приближать изображение. При максимальном приближении объект выглядел как размытый головастик.

– Навести на этот объект максимальное количество камер и синхронизировать изображение! – приказал капитан.

Это был единственный способ для улучшения картинки. Так поступают астрономы, когда вместо одного большого телескопа используют множество более мелких, объединенных между собой. Этот трюк удался и здесь: лишние окна стали исчезать, а изображение, на которое смотрел Юдин, начало приобретать все более четкие формы. Наконец, на объекте отчетливо стали прорисовываться отдельные детали, и теперь можно было узнать сильно искореженный приводной маяк и руку-манипулятор, так и не отпустившую свой груз. Неожиданно мозговой центр корабля выделил зеленым кружком один из участков на маяке, где мигал какой-то огонек. Но не успел капитан обдумать увиденное, как рядом появилась выноска с повторяющейся надписью: “SOS”.

Глава 2

Звездная система HD 128605. Виртуальная среда фрегата «Гермес»

В центре освещенного участка, на уровне груди человека, висела объемная тактическая схема, вокруг которой стояли фигуры в форме космического флота Земной Федерации. На схеме отображались небольшой шарик планеты и еще несколько крупных каменных глыб, попавших в масштаб. А на краю схемы ярко горел зеленым маркер эскадры,двигающийся к планете. Все это было щедро сдобрено информацией в виде выносок об относительной скорости, векторе движения, ускорения и прочих полезных данных для оценки ситуации. Траектории эскадры проходила рядом с планетой, приближаясь на минимальное расстояние в четыреста километров, после чего изгибалась и уходила куда-то за пределы изображения. И до этого сближения оставались еще сутки.

– Итак, джентльмены, это наша двенадцатая встреча с ульем арахна. Но обычно они бегут, а мы их догоняем и разносим на куски. Но сейчас улей разгоняется нам навстречу. – Контр-адмирал указал на красный маркер, траектория движения которого пересекала траекторию эскадры. – Что изменилось, есть ли у кого мысли, чего нам ждать?

Уильямс обвел хмурым взглядом старших офицеров и капитанов кораблей и парочку харгов, тоже капитанов. По лицам можно было догадаться о крайне бурном мыслительном процессе, но никто не желал высказаться.

– Господин контр-адмирал, разрешите, – наконец после минуты молчания осмелился один из офицеров в звании капитана третьего ранга.

– Слушаю вас, Басов.

Капитан третьего ранга немного выступил вперед и протянул руку. Из его ладони появился кубик, который тут же взлетел и развернулся в объемное изображение. На нем отображался ударный корабль арахна: продолговатая форма, состоящая из трех сегментов. В задней части, почти у самого края, раскрыты восемь панелей, словно лепестки цветка, а в передней, немного заостренной, части виднелось отверстие.

– Как мы уже знаем, эти корабли являются основными боевыми единицами улья. Имея органический химический реактивный движитель, они не могут далеко удаляться от своего носителя. Из вооружений лишь способность выплевывать булыжники, придавая им довольно большую скорость. – Изображение пришло в движение, и на очень медленной скорости воспроизведения было отчетливо видно, как из отверстия в носу корабля вылетает объект продолговатой и гладкой формы. – В ближнем бою они нам не страшны, все же скорость выстрела недостаточна для нанесения значимых повреждений. Но арахны используют их сотнями, что может вывести корабль из строя, а дальше абордаж, где им равных нет.

– Это все прекрасно нам известно, капитан. Говорите по существу, – прервал Басова контр-адмирал.

– Не знаю, что там изменилось в их мозгах, но уверен, что они тоже учатся, как и мы. Я думаю, что в данной ситуации, – капитан указал на тактическую схему, – они хотят разогнаться нам навстречу, чтобы увеличить нашу относительную скорость.

– В таком случае их булыжники будут нести реальную угрозу, – подхватил Уильямс.

– Так точно, господин контр-адмирал. При нынешней относительной скорости такой булыжник будет обладать кинетической энергией, не уступающей снаряду, выпущенному из главного орудия моего триста первого. А учитывая их количество, угроза становится ощутимой.

– Да, это очевидный вариант, – вклинился в разговор один из штабных офицеров. – Но если они нас изучают, то наверняка должны знать, что мы можем применить торпеды с довольно большой дистанции и тем самым избежать обмена ударами.

– Ладно, – после недолгого обдумывания решил подвести итог Уильямс, – версия капитана третьего ранга принимается за рабочую. Будем считать, что арахны хотят выйти на обмен ударами и из этого строить тактику боя. Все равно затормозить до безопасных для нас скоростей мы не успеем.

Неожиданно в метрах пяти от группы офицеров появился аватар адъютанта контр-адмирала. Он осмотрелся по сторонам и, определив цель, уверенно подошел к Уильямсу.

– Господин контр-адмирал, вы просили сообщить лично, когда... – Он запнулся на полуслове, посмотрел на остальных офицеров и, что-то для себя решив, продолжил: – Когда яйцеголовые добьются успеха. Докладываю: им удалось установить диалог с существами на планете. Предварительный отчет вам отправлен.

– Благодарю. – Не став откладывать, Уильямс, жестом руки вызвал интерфейс и, найдя нужное, развернул перед собой сообщение.

Все присутствующие наблюдали, как по мере прочтения текста брови контр-адмирала медленно ползут вверх. И когда они достигли некоего крайнего положения, он произнес:

– Странности продолжаются, господа. Некий Септус народа тал сообщает нам, что на планете идут бои. Он говорит, что арахны высадили десант, с которым они сейчас сражаются. – Уильямс свернул сообщение и, глядя на своих подчиненных, добавил: – Это значит, что у арахна появилась возможность высаживаться на атмосферные планеты. – После этих слов он повернулся к своему адъютанту и приказал: – Отправьте сообщение в штаб флота, пусть пришлют сюда десантный корпус и орбитальные платформы. Думаю, у них будет работенка.

Десять часов спустя контр-адмирал Уильямс так же стоял в виртуальной боевой среде в окружении штабных офицеров и ожидал начала боя, но его не покидала мысль, что он что-то упускает. Уже полтора года флот Земной Федерации пытается выжечь эту заразу везде, где только может дотянуться, но еще ни разу арахны не меняли тактики боя. А еще его интересовал вопрос, откуда у них, при почти полностью органической технологии, взялись плазменные двигатели на их ульях астероидах и технология гиперпространственных перемещений. За все время так и не удалось получить целые образцы для изучения.

– Господин контр-адмирал, эскадра выходит на рубеж открытия огня, – проинформировали его с поста объективного контроля.

Услышав это, Уильямс отринул все лишние мысли и сосредоточился на тактической схеме:

– Начать сброс термоядерных торпед, пятидесятипроцентный залп!

Из шести фрегатов наружу стали вываливаться торпеды и, отрабатывая маневровыми двигателями, выстраиваться рядом с идущими курсом атаки кораблями. За множество стычек с арахна тактика боя была оточена до совершенства. Достаточно развалить на части улей – и их ударные корабли подохнут сами собой, выработав ресурс своих движителей. И самым эффективным способом для уничтожения астероида были термоядерные торпеды, которые проникали под поверхность и детонировали уже внутри.

– Противник выпускает mosquito флот, – снова донеслось с поста контроля.

Уильямс выделил область вокруг красного маркера и, согнув руку в локте, рывком приблизил этот участок. Стали отчетливо видны очертания астероида и множество красных точек, появляющихся рядом с ним. Ударные корабли арахна были длиной не более пятидесяти метров, но юркие и мало живущие, поэтому их и стали называть mosquito флотом.

«Странное решение, – подумал контр-адмирал, – так как для применения ударных кораблей дистанция еще слишком велика». Вычислитель подсчитал количество и услужливо выдал число: четыреста тридцать два.

– Печатляет, – пробормотал контр-адмирал.

В этот момент рядом появилось сообщение, что все торпеды сброшены и готовы к пуску. Контр-адмирал, не колеблясь ни секунды, отдал приказ:

– Торпедам пуск!

Тридцать торпед одновременно озарились факелом химических двигателей и с огромным ускорением ринулись вперед. Уильямс поспешил уменьшить масштаб схемы и увидел, как от эскадры отделились маркеры торпед, набирая скорость. Появившаяся выноска указывала, что до поражения цели остается полторы минуты. Время шло, а тревога контр-адмирала нарастала с каждой секундой.

Когда до цели оставалось тридцать секунд, внезапно сотня висящих рядом с носителем кораблей отделилась и устремилась навстречу торпедам. Уильямс словно прилип взглядом к маркерам, которые быстро сближались, и в момент, когда их координаты совпали, они вдруг все исчезли: и торпеды, и корабли – разом. Контр-адмирал взглянул на пост контроля пространства и рявкнул:

– Что там произошло?!

– Торпеды уничтожены, господин контр-адмирал!

– Я и без вас вижу, что они уничтожены! Я спросил, как они это сделали?

– В момент, когда прекратила поступать телеметрия с торпед, сенсоры выявили множество вспышек. Похоже, они себя подорвали, – поспешил восстановить свою репутацию офицер поста контроля.

Чтобы самому убедиться, контр-адмирал вызвал перед собой окно, в котором транслировалась картинка с обзорных телескопов, и отмотал время назад. И действительно, в определенный момент на фоне черноты космоса возникла стена из сотни ярких огоньков и тут же исчезла. Да, имея на борту большое количество породы, при взрыве могли создать завесу из мелких камней, но учитывая скорость и количество, это все равно что бетонная стена. Еще одно подтверждение ненормальности этого улья.

Несколько секунд Уильямс пытался лихорадочно сообразить, что делать. Если так и дальше пойдет, то торпед точно не хватит, а сближаться для обмена ударами – чистое самоубийство. Похоже, придется расходиться и играть в кошки-мышки, расстреливая улей издали артиллерией. Его размышления прервал голос одного из штабных офицеров:

– Контр-адмирал, сэр. Нам никогда не удавалось захватить улей, так как он всегда исчезал во вспышке внутреннего взрыва.

Эти слова подействовали на контр-адмирала как ушат холодной воды. Он перевел взгляд на окно с визуальным обзором и увидел огромную каменную глыбу, приближающуюся на большой скорости. Решение появилось тут же:

– Всем кораблям, немедленно разойтись в стороны, максимальное ускорение!!!

Капитаны фрегатов почти мгновенно исполнили приказ, и десять кораблей, кувыркнувшись в пространстве, направили сопла своих двигателей перпендикулярно траектории движения и, словно брызги, начали разлетаться в разные стороны. Но следующие слова с поста контроля пространства прозвучали как приговор:

– Энергетический всплеск на корабле улье!!!

* * *

Солнечная система. Луна. Административный комплекс правительства Земной Федерации

– Владимир Сергеевич! Владимир Сергеевич!

Услышав окрик, Нечаев замедлил шаг, обернулся и увидел бежавшего в конце коридора Кудрявцева, усердно размахивающего планшетом. На такие действия шедшая позади двойка охраны одним слитным движением шагнула друг к другу, прикрывая охраняемое тело своими корпусами. Такое поведение охраны даже немного позабавило Нечаева, и он, приблизившись,

заглянул одному из них через плечо на матово-черный профиль головы, всем своим видом излучая немой вопрос: «Может, вы еще и палить начнете?»

Били бы это дровосеки или волки, они точно уже превратили бы Кудрявцева в решето, но эти стальные парни созданы специально для охраны значимых фигур государства. Ростом с человека, да и конституция схожа, только вот запечатаны в легкую композитную броню и всегда начеку. Да, по мощи они, конечно, уступят своим прототипам, но вот в ловкости и скорости превосходят их на голову. Самое то, чтобы не врубаться в гущу битвы, а увести охраняемое лицо подальше от угрозы.

Они, конечно, признали в помощнике Нечаева персону, имеющую доступ к телу, но заложенные инстинкты и протоколы требовали видеть опасность во всем. И когда Кудрявцев сбавил шаг, заметив реакцию охраны, стальные парни так же синхронно отступили.

– Владимир Сергеевич, – подойдя ближе, повторил Кудрявцев, – срочно нужна ваша виза.

– Вот прям так срочно? – с недоверием поинтересовался Нечаев, выхватывая планшет из рук помощника.

– Вы же знаете наших экологов?

Нечаев прервался от чтения документа и поднял голову на Кудрявцева.

– Знаю. Они просто в восторге от результатов применения прототипа орбитального зонтика. Всю плешь мне проели.

– Как раз этот документ дает разрешение направить ресурсы на постройку полноразмерной мегаструктуры, как заявлено изначально в проекте. Совет уже одобрил, осталось только дело за вами. А так как в ближайшую пару дней у вас очень насыщенный график, вот я и подсуетился.

– Верю, – с улыбкой произнес Нечаев, опуская палец в выемку на планшете. – И даже в то, что твоя плешь ни при чем. Всё, меня не для кого нет, до распоряжения, – отдавая планшет обратно, добавил глава Совета.

Оставив ухмыляющегося Кудрявцева, Нечаев направился к двери в конце коридора и через несколько секунд уже входил в защищенное от любых проникновений помещение.

– Господа, простите за опоздание, неотложные дела. – С этими словами Нечаев широким шагом проследовал на свое место.

За уже привычным кольцевым столом собрались вся военно-политическая верхушка Земной Федерации и представители других цивилизаций, которые пожелали в нее вступить. В центре находился колоннообразный проекционный экран, позволяющий выводить объемное изображение. Как раз сейчас там вращалась эмблема Земной Федерации.

Пока Нечаев возился в кресле, легкий шум от разговоров стих, после чего он произнес:

– Итак, начнем.

Ручное регулирование экономики требовало каждый месяц собираться для выработки или корректировки плана развития Солнечной системы и союзников. Ситуация менялась настолько стремительно, что порой принятый на заседании план становился неактуальным уже через неделю, и казалось, что в хорошо просчитанной схеме появляются все новые переменные. Конечно, оценкой ситуации и выработкой решений занималась целая армия профильных специалистов и специализированных ИИ, но ответственность принятия данного решения брали на себя вот такие собрания и, в частности, те, кто их выдвигал на обсуждение.

Первой темой для разговора стала промышленность, потому что именно на ней базируется вся экономическая и военная мощь Федерации. Производство уже давно перекочевало в космос, так как поднимать с поверхности планет продукцию очень накладно, исключение – малые планеты, спутники и астероиды с низкой гравитацией. Поэтому крупные небесные тела служат в основном для выращивания пищи и для размещения населения, все же расселить всех на станциях пока не представляется возможным.

– Если отправить к Юпитеру вместо десяти готовых перерабатывающих заводов, как планировалось ранее, – распинался представитель министерства промышленности, – только четыре, а остальные передать в систему Урана, то через три месяца мы снизим зависимость анклава Урана от металлов платиновой группы на сорок процентов. В то время как система Юпитера отстанет от графика всего на три процента. Это стало возможно с обнаружением руды с более богатым содержанием этих металлов.

Нечаев слушал выступления докладчиков и серьезно пытался вникнуть в эти графики и числа: должность обязывала хоть и не на профессиональном уровне, но в теме ориентироваться. И, как всегда, основной проблемой была доктрина, которую приняли еще много лет назад. Естественным образом Солнечная система была разделена на промышленные и, соответственно, военные анклавы – их всего восемь. Это Земля, Марс, спутники газовых гигантов, Плутон и главный пояс астероидов. Доктрина гласит, что анклавы должны быть равными – как по промышленному потенциалу, так и военному. Все для того, чтобы во время вторжения извне потеря одного такого анклава не ввергала в хаос производственные цепочки всей Солнечной системы. И никто не собирался эту доктрину менять, так как все еще помнили, как недавно человечество зависело от одной лишь Луны. Не сохранись тогда заводы и фабрики под поверхностью спутника Земли – и люди вернулись бы в каменный век.

Но это все в идеале, а на практике система Земля-Луна все еще оставалась крупнейшим промышленным и военным анклавом. Если в цифрах, то около сорока процентов всего потенциала Солнечной системы, остальные находились на разной степени развития. Разве что в военном потенциале все выглядело приблизительно одинаково, что создавало перекося в снабжении, но проблема была не только в этом. Если перерабатывающие орбитальные заводы можно построить практически в любом количестве, то вот добычу полезных ископаемых не всегда удается наладить в нужном объеме. И все потому, что либо конкретные залежи еще не найдены, либо неподходящие условия для их добычи, то есть существующие технологии не позволяют вести разработку месторождения. И тогда тут только два пути: строить гигантские хранилища недоступного в данном анклаве сырья или разрабатывать новые технологии добычи, что в принципе не отменяет параллельного процесса. Но с некоторым сырьем, без стратегических запасов не обойтись, например воды и водорода, по добыче которых газовым гигантам с их лунами равных нет.

Конечно, проблема не только в добыче сырья, но и в работах рабочих, которых постоянно не хватает всем, ядерных реакторах, скорость производства которых не поспевает за постоянным ростом потребности в них и во многом другом. Да, Земная Федерация развивалась и крепла просто на глазах, что создавало потребность в постоянном регулировании. Ситуация стала усугубляться с появлением новых членов Федерации, которые предоставляют свою звездную систему для развертывания военных и промышленных баз и рабочую силу, которую, впрочем, нужно еще обучить. И хотя их вклад в общий ВВП Федерации не более нескольких процентов, но он будет расти.

– Как вы не понимаете! – чуть ли не криком доказывал свою правоту уже другой докладчик. – Мы не можем ввести в строй новую верфь на орбите Цереры и кластер добычи на астероиде Психея из-за отсутствия требуемого количества специалистов. А они не появятся из-за невозможности обеспечить их пищей. Так что, без увеличения снабжения или постройки автономных ферм это просто невозможно!

Но самым большим камнем преткновения были люди, точнее их малое количество. И если в системах иных цивилизаций с этим проблем почти нет, то вот в Солнечной системе это ощущалось очень остро. Сильнее всего это сказывалось на флоте: как гражданском, так и военном. Не каждый захочет проводить месяцы в консервной банке с минимумом удобств. Поэтому все чаще стали появляться смешанные экипажи, состоящие из людей и харгов, а в будущем, возможно, добавятся и представители других цивилизаций.

Всю эту кашу разбирали на каждом совещании и утверждали новый план на ближайший месяц. Конечно, программы искусственного интеллекта, способные обработать миллионы переменных и выдать наилучший результат для решения задачи, сильно упрощали процесс, но во многом эти результаты необходимо корректировать людям и даже принимать волевое решение.

Так, с перерывом, прошло четыре часа, план по производству и распределению ресурсов был утвержден и принят к исполнению. Но у Нечаева осталось ощущение, что сложность системы ручного регулирования экономики растет в геометрической прогрессии. Если так и продолжится, то надо будет собираться уже каждый день, и с этим нужно было что-то делать.

– Всем спасибо, – наконец произнес Нечаев. – Далее я продолжу совещание с штабом.

И пока лишние люди с шумом покидали помещение, Нечаев взял свой планшет и вызвал Кудрявцева.

– Слушаю, Владимир Сергеевич.

– Игорь, мне нужно, чтобы ты разыскал человека по имени, – Нечаев задумался на секунду, – Загорский Алексей Геннадиевич. Он раньше работал в руководстве компании РОС.

– Это срочно? И что сделать, когда разыщу?

– Нет, не срочно. Пригласи его на беседу. Пусть время сам назначит.

– Понял, сделаю.

– Спасибо. Отбой.

* * *

– Адмирал Пауэл, доложите текущую ситуацию. – Нечаев поерзал в кресле и всем своим видом показывал, что готов внимать.

– Да, сэр, – отозвался упомянутый адмирал.

В центре экрана проявилась звездная карта, охватывающая сферу радиусом пятьсот световых лет. Нечаев всматривался в десятки ярких точек, соответствующих реальным звездам, и пытался понять, стоит ли продолжать раздвигать границы Земной Федерации или остановиться и укрепиться на уже захваченных рубежах.

Солнечная система находилась в центре схемы и вокруг нее отображалась зеленая область в форме сферы. Так обозначалась зона гиперпространственного контроля. Такие же ореолы были у четырнадцати звезд, которые находились под контролем Земной Федерации. Пять из них выделялись особым значком, говорившем о том, что в этих звездных системах присутствует цивилизация. Это именно те, кто пожелал присоединиться к человечеству. Оставшиеся звездные системы контролировались только из-за перспективы их освоения.

От Солнечной системы к некоторым звездам тянулись линии желтого цвета, такой себе причудливый ежик. Эти линии символизировали, что по обе стороны есть гиперпространственные врата и установлены приводные маяки для гиперпространственной трассы. В первую очередь, конечно, такие трассы прокладывались к союзникам и туда, где находились небольшие форпосты вахтовой службы, но и были пустые системы.

И, конечно, рядом с каждой точкой выводилась информация о мощи обороны, наличии флота и его количестве, уровне развития пустотной промышленности и количестве населения, если таковое имеется. Разумеется, не в текстовом формате, а в виде условных значков, которые не засоряют изображение.

Нечаев хмыкнул от пришедшей ему мысли, что, по сути, люди сейчас – самая крупная сила в радиусе тысячи, а может, и двух тысяч световых лет, а контролируем всего четырнадцать звездных систем. Да и контролем это назвать нельзя. В звездных системах союзников находится по одной-две эскадры, фактически для демонстрации флага, в остальных и того

меньше. Разве что харги исключение, там сейчас уже почти тридцать тысяч человек находится на постоянной основе и база третьего ударного флота. А если учесть, что среднее расстояние между звездами в Галактике – около семи световых лет, то человечество контролирует фактически пузырь с огромным неосвоенным пространством внутри, состоящим из тысяч звезд.

– Господин главнокомандующий, – прокашлялся адмирал, – за последний месяц нам удалось уничтожить три улья арахна, наши силы потерь не понесли. По следу еще одного была послана эскадра во главе с контр-адмиралом Ульямсом. Здесь и здесь, – адмирал указал на две точки звезд, – завершено строительство форпостов, тем самым нам удалось перекрыть брешь в зоне нашего контроля.

На схеме еще две звезды окрасились зеленым ореолом, и пузырь стал практически замкнутым.

– Почему только два форпоста, адмирал? – перебил его Нечаев. – В предыдущий раз вы докладывали, что система, – он подсмотрел в свой планшет и продолжил: – HD110302 очищена от арахна и на одной из планет есть цивилизация.

– Все верно, сэр, – кивнул Пауэл, – они называют себя трикийцами, родная планета – Трикия.

На экране от указанной звезды образовалась выноска, развернувшаяся в отдельное окно, в котором появилась чужая планетарная система. Затем картинка приблизилась к четвертой планете от светила, и сбоку появилось вращающееся изображение существа: две ноги, две непривычной для человека руки и голова, напоминающая форму сглаженной перевернутой пирамиды.

– Именно в этой системе, – продолжил адмирал, – были уничтожены два малых улья. И один из них трикийцы уничтожили сами. На контакт пошли, но нашу помощь принимать отказались с формулировкой «Мы и сами справимся».

– Ясно. Продолжайте. – Нечаев с невозмутимым лицом записал что-то у себя в планшете, после чего поднялся и начал медленно вышагивать вокруг стола.

– Да, сэр. – Схема вернулась в изначальное положение, и часть области пространства, примыкающей к контролируемой людьми, окрасилась красным. – Активность арахна, за последний год значительно увеличилась. В контролируемых нами системах в гиперпространстве постоянно фиксируются пролеты крупных тел, сопоставимых по массе с астероидами ульями. И разведка флота все чаще обнаруживает следы их пребывания в пограничных системах. Но анализ мест появления не выявил никакой закономерности. – На экране, в красной зоне, у нескольких десятков звезд стали отображаться расходящиеся круги, появление которых было привязано к хронологической шкале. – Генштаб все же считает, что схема есть, но пока нам непонятна, и угроза полномасштабного вторжения реальна.

«Знали бы вы, адмирал Пауэл, – подумал Нечаев, – что творится за пределами зоны активности арахна, тогда все эти непонятные перемещения масс в гипере для вас стали бы вполне понятными».

– Что с поиском их родной планеты? – Нечаев продолжал двигаться по кругу, и все сидящие синхронно поворачивали за ним головы.

– Месяц назад флот предпринял глубинную разведку в предполагаемую зону обитания арахна, но ни баз снабжения, ни их родной планеты обнаружить не удалось.

Не успел Нечаев задать вопрос, как на него стал отвечать адмирал:

– Аналитики сходятся во мнении, что их базы находятся не в планетарных системах, а в межзвездном пространстве.

Нечаев остановился и вопросительно поднял бровь.

– Там полно блуждающих планет и крупных астероидов, и обнаружить их очень непросто, сэр. Эти объекты неразличимы на общем фоне космоса из-за температуры, практически равной окружающей среде, и слабой освещенности. Они гравитационно не связаны с какой-

либо из звезд и могут быть обнаружены лишь по возмущению гиперпространства при близком пролете. По сути, обнаружение таких объектов несет лишь случайный характер.

– Вы хотите сказать, что противник может устроить опорную базу прямо в пределах Земной Федерации и мы не сможем его обнаружить? – Нечаев спохватился, что выражение его лица не соответствует содержанию заданного вопроса, и поспешил нахмурить брови.

– Да, сэр. Это вполне возможно, – подтвердил адмирал.

– Все с этим согласны? – Главнокомандующий обвел взглядом присутствующих офицеров, и каждый из них кивнул. Он немного помолчал, а затем продолжил: – Господа, как вы считаете, если подобные базы практически невидимы для посторонних, то, может, и нам построить несколько?

– Мы об этом думали, сэр. Но нам не хватит ресурсов для такой стройки. Да и смысла сейчас в этом нет, так как просто не хватит военных кораблей. Мы с трудом контролируем уже имеющийся периметр.

– Да, да, – покивал Нечаев, вспоминая предыдущее обсуждение. – А как же четырнадцатый флот, который со дня на день должен быть полностью укомплектован?

– Четырнадцатый флот, сэр, генштаб хотел бы разместить в уже подконтрольной нам системе на границе активности арахна, в качестве сил быстрого реагирования. Да и союзникам будет спокойнее. Но проект таких баз уже разработан и готов к внедрению, так что можно вернуться к этому вопросу через пару лет.

– Согласен. – Нечаев быстро преодолел оставшееся расстояние до своего кресла и, взявшись за спинку, заявил: – Что ж, господа, я полностью одобряю ваши действия. И если ничего экстренного нет, то прошу меня простить, у меня назначена очень важная встреча.

– Сэр, – обратился Пауэл, – генштаб подготовил проект по размещению системы слежения за гиперпространством во всем пространстве внутри зоны контроля. Для этого необходимо разработать и разместить автоматические станции во всех системах внутри нашего периметра. Это позволит отслеживать любые перемещения.

«А еще это позволит обнаружить то, что находится практически под носом, чего допустить никак нельзя», – подумал Нечаев. И произнес:

– Хорошо, отправьте мне ваше предложение, и на очередном заседании совета мы его рассмотрим.

Офицеры генштаба переглянулись, так как реакция Нечаева не совсем вписывалась в его обычное поведение.

– Да, сэр, – согласился Пауэл.

Штабные офицеры поднялись и вытянулись, провожая взглядом главнокомандующего из помещения. А Нечаев торопился удалиться от людей, которым приходится врать, глядя прямо в глаза.

* * *

– Уже уходишь?

Мои неуклюжие сборы заставили Веронику проснуться. Я замер и посмотрел на эту прекрасную женщину, которая сонной пыталась обе ноги вставить в одну штанину комбинезона. Она проделывала это с невозмутимым видом, что вызывало улыбку.

– Да, мне уже пора, через три часа вылет, а у меня еще встреча образовалась в администрации.

– Сколько тебя не будет? – наконец справившись с непослушной одеждой, спросила она. Мой глубокий вдох показал всю обреченность ситуации.

– Я же тебе уже говорил.

– Слушай, Волков, – она подошла ближе и ткнула пальчиком в мою грудь, – я не знаю, чем ты там занимаешься, но ты нужен здесь. У тебя сын растет, ты не забыл?

– Вот именно потому, что у меня растет сын, я и занимаюсь тем, чем занимаюсь, – с нажимом в голосе ответил я.

В это время в дверном проеме нашей комнаты появился мелкий карапуз, который тер кулачками свои глаза.

– Папа, ты уходишь? – приблизился мальчуган и посмотрел на меня с низу вверх.

Ну вот, и тяжелая артиллерия пошла в ход. Я присел и поднял сына на руки.

– Да, Юра. Я уйду, но ненадолго. – Перехваченный взгляд Вероники красноречиво дал понять, что она думает об этом «ненадолго». – Поэтому ты остаешься за старшего. Приказываю беречь маму и никому не давать ее в обиду.

Юра кивнул и снова потер глаза. В этот момент я свел брови и всем видом показал свое наигранное недовольство:

– Как я тебя учил отвечать?

На этот раз карапуз с серьезным видом громко крикнул:

– Так точно! – И сопроводил оба слова кивком.

На это представление Вероника только фыркнула.

– Вот и молодец. А теперь беги в свою комнату, а я с мамой попрощаюсь.

Опустив сына на пол, я потрепал его по волосам, и тот, шлепая босыми ногами, умчался к себе, а я повернулся к любимой женщине, и она тут же меня обняла, уткнувшись мне в плечо.

– Когда твои командировки прекратятся?

– Скоро. Думаю, через год в них не будет необходимости, – ответил я, поглаживая ее по голове.

– Ты только возвращайся живым, я подожду сколько нужно.

Выходя из своей жилой ячейки на Луне, чувствовал тяжесть на сердце. Все-таки уходить очень не хотелось, но, к сожалению, по-другому нельзя.

Лунная колония особо не изменилась, разве что увеличилась в размерах, раз так в тридцать. И еще появилось какое-никакое разнообразие в окружающей обстановке. Человек – такое существо, нелюбящее единообразие, поэтому старается придать своему месту обитания какой-то индивидуальности. Это очень заметно по внешнему убранству внутренних помещений колонии.

Проходя мимо дверей индивидуальных жилых ячеек, рассматривал фантазию их обитателей. В основном это разукрашивание дверных проемов на любой вкус, но попадались и те, кто создавал целые произведения искусства из какого-то мусора и запчастей.

Подойдя к одной из дверей, я хмыкнул. Кто-то умудрился локально взломать систему управления живой частью сооружения и заставил вырастить вокруг своей двери нечто, очень напоминающее корни деревьев. А небольшие разноцветные отростки на этих корнях давали эффект цветения. Я даже принюхался в ожидании ароматного запаха цветов, но ничего так и не расслышал.

Общественные места так же были всячески преобразены. Особенно выделялись огромные картины пейзажа и событий в новой истории нашего вида. Даже не представляю, как эти художники умудрились сделать так, чтобы картины не исчезали. Но пройдя дальше, увидел, как небольшая группа подростков проворно орудует машинкой для нанесения подкожной татуировки. Теперь понятно, как искусственный кожный покров стен так долго сохраняет эти рисунки.

Но больше всего бросалось в глаза количество людей. Их стало настолько много, что даже образовывались пробки и очереди на транспортные кабины. Особенно заметно увеличилось число детей, снующих туда-сюда в поисках приключений. Иногда в их компашках попадались и харги, не уступающие им по озорству.

Так, оглядываясь по сторонам, я дождался кабины и отправился в административный корпус и только сейчас заметил, что лица людей выглядят более счастливыми, чем раньше. Несмотря на то что люди знают об угрозе арахна, обреченность не чувствуется, голод больше не грозит и привычка к окружающей обстановке создает ощущение безопасности и чувство уверенности в будущем.

– Михаил Валериевич. – Меня встретил помощник Нечаева. – Прошу следовать за мной, он уже вас ждет.

Архитектура административной части колонии отличалась от жилых и производственных кластеров. Все же строила это сооружение не моя компания, где за основу была бы взята кольцевая система устройства, поэтому коридоры здесь узкие, а в их переплетении можно заблудиться.

Войдя в небольшой кабинет, увидел сидящего за столом его хозяина.

– Здравствуй, Михаил. – Нечаев поднялся и прошел мне навстречу, протягивая руку. – Садись. – Он указал на свободный стул, а сам быстро вернулся к своему.

На лице Нечаева читалась тревога и озабоченность, что заставило меня слегка забеспокоиться самому:

– Что-то случилось, Владимир Сергеевич?

Нечаев ничего не ответил, пристально посмотрел на меня, а затем встал и развернулся к интерактивному окну, скрестив руки за спиной. За окном была осень, ветер качал верхушки деревьев, срывая листья и унося их куда-то вдаль.

– Мне все труднее удается водить за нос генштаб, – заговорил Нечаев не оборачиваясь. – Сегодня было предложение прочесать межзвездное пространство Федерации. Понимаешь, к чему это приведет?

– Конечно. Есть вероятность, что флот обнаружит базы арахна, и тогда станет ясно, что за ними стоят люди.

– Верно, – обернулся Нечаев и снова сел за стол. – Догадаться, кто за этим стоит, будет нетрудно. Но дело не в этом. Считаю, что твои подопечные выполнили свою задачу. Мы получили три спокойных года, раздвинули границы Федерации и привлекли в свои ряды множество иных существ. Недостатка в ресурсах и рабочей силе теперь не будет, по крайней мере, в ближайшие десять – двадцать лет. Думаю, дальнейшее расширение избыточно, проглотить бы то, что уже есть. Да и численность флота теперь вполне достаточная для патрулирования наших границ влияния вместо арахна, – закончил свой монолог Нечаев.

– И что мне с ними делать?

– То, что задумывалось изначально, Михаил, – равнодушно ответил Нечаев.

От этих слов у меня на секунду перехватило дыхание. И не потому, что придется всех, включая Королеву, уничтожить, а потому что нужно будет это сделать мне лично. Да, я изначально знал, что рано или поздно этим все и закончится, но теперь, проведя со своими творениями столько лет, я уже не был уверен, что смогу.

– Михаил? – Заметив мою реакцию, Нечаев нахмурился.

– Я сделаю это, – как можно уверенней произнес я.

– Вот и отлично. – Лицо Нечаева разгладилось, и он потянулся за планшетом. – Но сначала пусть совершат еще один налет. – Он стал водить пальцем, выискивая информацию. – Система HD110302 находится внутри подконтрольного нам пространства и, словно бельмо на глазу, портит всю картину. Там находятся очень самоуверенные в себе существа, нужно немного поумерить их пыл.

На это я лишь кивнул, и Нечаев размашистым жестом отправил файл мне. На периферии зрения мигнул значок о приеме сообщения, и в этот момент Нечаев поднялся, показывая, что разговор окончен:

– Извини, Михаил, сам понимаешь, совсем нет времени. Тебе еще что-то нужно?

Я тоже поднялся и пожал плечами:

– Нет, все необходимое доставили в последней поставке.

– Тогда заканчивай дела, корабль уже ждет.

С этими словами я был аккуратно выставлен за дверь. Вот так на бегу решилась судьба одного из величайших заговоров в истории человечества.

* * *

Путь в космопорт лежал через все тот же шум, гам и толпы народу, но мне это нравилось. С моего лица не сползала улыбка, и я получал удовольствие от всего, что происходило вокруг. Единственное, что омрачало ситуацию, – то, что вскоре придется покинуть это место на долгие месяцы, но я старался об этом не думать, особенно о Веронике и сыне.

Транспортная кабина остановилась, и народ повалил наружу через распахнувшиеся двери. В основном это были рабочие орбитальных верфей. Об этом говорили характерные нашивки как на груди, так и на спине. Когда кабина опустела, я также шагнул наружу и сразу же попал в какофонию звуков, которые так привычны любому, бывавшему на вокзале.

Пассажирский космопорт представлял собой огромное пространство арочного типа высотой около пятидесяти метров, шириной приблизительно двести и длиной почти полкилометра. В центре этого помещения находились три перрона, разделенные между собой колоннами, поддерживающими свод. В углублениях в полу располагался монорельс, который пересекали весь космопорт и уходили в три тоннеля в конце помещения. И все это сооружение находилось под поверхностью на глубине ста метров.

Через минуту после моего разглядывания убранства космопорта под сводами прозвучал приятный женский голос:

– Челнок номер сто четыре будет готов к вылету через пятнадцать минут. Все убывающие, просьба занять место на перроне номер два.

Вот и мой транспорт. Определив кратчайший путь к воздушному переходу на нужный мне перрон, двинулся к нему, маневрируя между стоящими людьми. В этот момент на глухой стене космопорта открылась створка и внутрь стал медленно выходить челнок. Здесь конструкторы отошли от привычной цилиндрической формы, так как это не требовалось для условий запуска, и мой транспорт на орбиту выглядел как обычный вагон поезда. Разве что у него имелась реактивная двигательная установка сзади и стыковочный порт впереди.

Челнок остановился, и в его боковой стенке начала открываться наружу гермодверь. Как только она заняла крайнее положение и сверху загорелся зеленый свет, ожидающие снаружи люди стали в нее протискиваться. Попав внутрь со всеми, я поторопился занять кресло у окна. Конечно, окном его назвать нельзя, всего лишь небольшой иллюминатор, но все же мне было интересно посмотреть, что будет происходить снаружи.

– Первый раз? – услышал я вопрос соседа справа.

Мужчина лет тридцати пяти, все с теми же нашивками рабочих орбитальных верфей, устраивался по соседству, закидывая свою поклажу в ящик сверху.

– Да. Впервые буду подниматься на орбиту таким способом.

Мужчина, наконец, завершил свои манипуляции и протянул мне руку:

– Чарльз.

– Михаил. – Я пожал ему руку в ответ.

– Тогда правильно сделал, что сел у окна. Стартуя вертикально, ты точно такого не увидишь.

Я улыбнулся, и в этот момент прозвучал короткий сигнал и загорелся индикатор – «пристегнуть ремни». Выполнив требуемое, я осмотрел салон. В челноке установлены сто противоперегрузочных кресел, по паре в два ряда и все они были заняты людьми. По центру находился

широкий проход, где могут поместиться четыре человека сразу. Отличное решение, чтобы не толкаться в невесомости.

Наконец время вышло, и такой импровизированный вагон тронулся с места и медленно покатил к противоположной стенке. Преодолев всю протяженность космопорта, он целиком вошел в тоннель и остановился.

– Сейчас ворота шлюза закроют и потом откачают воздух, – прокомментировал происходящее Чарльз.

Я лишь на мгновение повернулся к нему, но тут же снова уставился в иллюминатор. Тусклый свет тоннеля не позволял что-либо разглядеть, но я хорошо слышал работающие насосы, шум которых стихал по мере разрядки атмосферы.

– Сейчас будет самое интересное, – заверил меня сосед.

И в то же мгновение я понял, о чем он говорит. Меня резко вдавило в кресло, и челнок начал стремительно набирать скорость, а через мгновение выскочил на поверхность. Перегрузка не отпускала, по ощущениям до трех g, но это не мешало мне продолжать смотреть в иллюминатор, а посмотреть было на что. Пепельно-серая поверхность Луны была залита множеством огней прожекторов, и, куда дотягивался взгляд, всюду виднелись строения. Шпили ретрансляционных антенн, перерабатывающие и добывающие заводы, тысячи движущихся транспортных средств. Казалось, что я наблюдаю мегаполис, который раньше видел на Земле. Но, конечно, здесь, на поверхности, людей минимум, но это никак не принижает грандиозность и масштаб происходящего. Все это я наблюдал только с большой высоты, но чтобы вот так, находясь внутри этой агломерации, никогда.

Но самым впечатляющим объектом была, конечно, стройка пусковой петли, своего рода трамвай на орбиту. И хотя одна из опор, которую я сейчас видел, находилась в километрах тридцати от меня, но масштабы стройки были прекрасно видны. Вторая такая же опора строится в пятистах километрах от первой. Именно в этих опорах будут установлены мощные электромагнитные насосы, которые смогут разогнать жидкий металл до огромных скоростей. Который, в свою очередь, будет протекать в двужильном трубчатом сверхпроводнике. И за счет приобретенной кинетической энергии раскаленный металл сможет поднять пятисоткилометровое рельсовое полотно почти на высоту ста километров. Это позволит запускать челноки на орбиту, вообще не затрачивая топливо. Челнок просто движется сначала вверх по наклонной, а после, на ровном участке, совершит разгон за счет электрической энергии. Таким же образом они будут возвращаться обратно, но уже используя маневровые двигатели для посадки на петлю.

– Впечатляет, да? – Чарльз снова продемонстрировал свои навыки гида.

– Еще как, – с небольшим напряжением от перегрузки ответил ему и продолжил наблюдать.

Я читал в исторических хрониках, что подобную мегаструктуру придумал человек по имени Лавстром, еще в далеком 1981 году, и человечество уже тогда могло создать подобное на Земле, но, видимо, время для нее пришло только сейчас. На самом деле для Луны такая конструкция не нужна, достаточно разгонных магистралей на глубине или на поверхности. Далее запуск аппарата по очень длинной баллистической траектории и небольшой импульс двигателя в верхней точке для скругления орбиты. В принципе именно таким способом я сейчас и попаду на орбиту. Разница в затратах по сравнению с пусковой петлей минимальна из-за отсутствия атмосферы. Но научно-технический комитет Земной Федерации решил сперва опробовать технологию именно здесь, на Луне, перед тем как строить такую же пусковую петлю, но уже на Земле. Потому что именно на телах, у которых есть атмосфера, это очень действенный и дешевый способ поднять груз на орбиту. И еще потому, что на Земле сейчас очень туго с промышленностью, если не сказать никак. В случае успеха можно будет вновь колонизировать Землю.

Тем временем челнок достиг точки отрыва от полотна и, пройдя насквозь гору, стал резко набирать высоту. Перегрузка спала, и я смог оторвать спину от кресла и посмотреть в иллюминатор, что происходит внизу. Там тележка, на которой был закреплен челнок, продолжила свое движение по рельсу, но уже в режиме торможения, а дальше она развернется и по параллельной линии отправится в обратный путь.

Внезапно на спинке впереди стоящего кресла вспыхнул экран, на который транслировалась картинка с курсовой камеры. И теперь я смотрел на еще один мегаполис, но только в космосе.

Глава 3

Орбита Луны. Борт фрегата «Пересвет»

Влетев внутрь шлюзовой камеры фрегата, который поработает моим такси, я перевернулся и зацепился ногами за скобы. Встречал меня один из следящих, никого другого в шлюзе не было.

– Майор Климов. Добро пожаловать на борт «Пересвета», – протянул он мне руку.

– Спасибо, майор, – ответил я на рукопожатие.

Мой имплант срисовал лицо Климова и развернул краткое досье на этого человека. Беглый просмотр текста – и мне стала доступна вся его жизнь, по крайней мере, записанная в базе данных. Уже начиная с учебки, майор работал в спецслужбах, переходя из одного ведомства в другое. Вступил в ряды следящих с момента их образования и долгое время возглавлял эту структуру на Плуtone.

– Прошу за мной, я проведу вас в вашу каюту.

Майор ухватился за скобу и направил свое тело в сторону выхода из шлюза, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. В центральном коридоре фрегата, как обычно, царил суета. Мимо пролетали люди, пробегали технические пауки, перемещались грузы – в общем, типичная подготовка к старту. На нас никто не обращал внимания, только встречные матросы и офицеры отдавали честь майору.

Я оглянулся и, убедившись, что мой багаж следует за мной, решил поравняться с Климовым и задать вопрос.

– Команда в курсе? – вполголоса спросил я.

– Нет. Капитан знает, что подвозит важного пассажира, а зачем и почему – считает не своим делом, – ответил майор, после чего первым влетел в переходной тоннель вращающейся секции.

Спустившись по лестнице, Климов привел меня к типичной двухместной офицерской каюте. Уже внутри я посторонился, чтобы дать чемодану заехать в мое, на ближайшие полтора месяца, жилище. Каюта ничем не выделялась: две свободно вращающиеся койки, которые принимают свое положение в зависимости от вектора ускорения, встроенные шкафчики и санузел с душем. Осмотрев все, я повернулся к майору и с улыбкой сказал:

– Условия спартанские, но мне подходит.

Климов кивнул и начал озвучивать инструкции:

– Михаил Валерьевич, вас и так знает каждая собака, но с командой постарайтесь контактировать как можно меньше. Сами понимаете, секретность, – развел он руки в стороны. – Если все же будут интересоваться вашим пребыванием на борту, говорите, что транзитом следуете в систему Хадар. Фрегат встанет на разгон через четыре часа, а через час ужин с капитаном. – Он закончил и повертел головой, после чего сказал: – Ладно, вы тут обустройвайтесь, а я пойду. – И уже на выходе обернулся и добавил: – Ах да, если что-нибудь понадобится, вызывайте меня. Я обитаю здесь рядом, в соседней каюте.

Наконец он вышел, и дверь каюты с шелестом закрылась, оставив меня наедине с самим собой.

– Ну вот, и снова я в консервной банке, – пробормотал я себе под нос, принимаясь за распаковку чемодана.

Как и сказал Климов, за полчаса до назначенного срока фрегат отстыковался от станции и оставшиеся тридцать минут маневрировал на орбите, после чего присоединился к большой группе кораблей. Синхронный запуск маршевых двигателей всей группы ознаменовал начало разгона в сторону Сатурна. По этому же маршруту отправились тридцать две длинные гусеницы из грузовых контейнеров с буксирами на обоих концах. И одно пассажирское судно –

по сути, тот же военный фрегат, только с удлиненной вращающейся секцией и без вооружения. Все корабли разгонялись с комфортным ускорением в один g и находились друг от друга на расстоянии не более километра – такой себе конвой во главе с «Пересветом».

Перелет к лунам Сатурна особо ничем не запомнился: восемь часов разгона, за которым следовал восьмичасовой перерыв, и снова разгон. Так продолжалось почти шесть суток, а затем столько же в режиме торможения. Как и просил меня Климов, я старался не разгуливать по кораблю. В перерывах между разгонами ходил в спортзал, ужинал и обедал в компании капитана и безопасника. А во время разгонов периодически подключался к обзорным телескопам фрегата и часами смотрел на конечную точку прибытия. В такие моменты я размышлял о судьбе моих созданий и приходил к выводу, что они не заслуживают смерти. По сути, я создал полноценную, самодостаточную полуразумную расу. Да, без земных технологий они не смогут путешествовать в космосе, но люди тоже тысячи лет бегали с палками. И когда я уже готов был допустить мысль проигнорировать приказ Нечаева, то всегда задавал себе вопрос: «Стоит ли оно того?» Их существование рано или поздно выдаст прямое участие людей в их судьбе, что ополчит против нас всех. И сам же отвечал себе: «Не стоит».

Поначалу красавец Сатурн выглядел в телескопах довольно размытым, но с каждым днем становился все четче и четче. На десятые сутки перелета я мог уже различить неровности на его спутниках и даже огоньки маршевых двигателей шахтерских кораблей, работающих в кольцах планеты гиганта.

На четырнадцатый день наш конвой прибыл к грузовому терминалу Сатурн-3. «Пересвет» и пассажирское судно состыковались с терминалом, а гусеницы грузовых контейнеров зависли неподалеку, где их принялась расстыковывать стая терминальных дронов и уже по отдельному контейнеру подтягивать к стыковочным портам станции или собирать из некоторых новый состав, который отправится еще куда-нибудь. В дальнейшем контейнеры, пристыкованные к станции, местные буксиры начнут растаскивать по орбитальным заводам и колониям на спутниках газового гиганта.

Таких действующих терминалов на орбите газового гиганта размещено шесть, и еще два строятся. Это сделано для удобства логистики, так как промежутки между прибывающими кораблями стали меньше суток, а иногда несколько часов, и один терминал не всегда оказывается в нужное время в нужной точке. А так практически с любого подлетного курса рядом оказывается один из терминалов.

Я наблюдал за суетой в космосе и на станции, которая не уступала по масштабам такой же суете на Луне, и удивлялся, на что способен человек, имея мотивацию и цель. Еще каких-то пять лет назад буквально каждый корабль был на счету, а теперь их сотни. Прав был Нечаев, когда говорил о передышке, которую я предоставил со своим выводком арахна. Иначе здесь бы происходило то же самое, что и во фронтире.

Долго наше пребывание у Сатурна не продлилось. «Пересвет» дозаправился и присоединился к другой группе кораблей, которые направлялись за пределы гравитационного пузыря, а точнее, к гиперпространственным воротам на границе этого пузыря. И снова потянулись дни с периодами разгона и свободного движения, а на четвертую неделю мы приблизились к створкам гиперпространственных врат, одиноко висящих в пустоте. Полчаса согласований с диспетчером врат – и вот уже фрегат ныряет в развернувшуюся воронку.

– Михаил Валерьевич, рад был с вами познакомиться. – Климов вновь жал мне руку в шлюзе, как и тогда, при первой встрече. – Удачи, – произнес он напоследок, и нас отсекала закрывшаяся створка.

Не задерживаясь, я сноровисто влетел внутрь челнока, занял кресло пилота и запустил системы корабля.

– Челнок, бортовой номер, – я на мгновение замолк, чтобы взглянуть на идентификатор, – три два семь три, запрашивает разрешение на отстыковку.

– Челнок три два семь три, – через пару секунд раздался голос диспетчера «Пересвета», – отстыковку разрешаю. Счастливого пути.

По корпусу прошла небольшая вибрация, когда захваты отпустили мой корабль и челнок на автопилоте стал отлетать от фрегата. Отдалившись на безопасное расстояние, я отыскал через свой интерфейс нужный файл и произнес:

– Автопилот, принять новые координаты.

Файл отправился по каналу связи.

– Координаты приняты. Расчетное время полета – двадцать три часа сорок три минуты, – ответил бортовой компьютер.

– Запуск.

Челнок пыхнул маневровыми двигателями, становясь на курс, а затем последовал минутный импульс маршевыми, и мы с «Пересветом» стали расходиться в разные стороны. И я снова остался один, в красно-черном мареве гиперпространства, продолжая размышлять о правильности принятого решения.

* * *

Где-то в межзвездном пространстве

– Поступил запрос на идентификацию.

Голос бортового компьютера вывел меня из задумчивого состояния, и я поспешил отправить файл с кодом. Через мгновение пришел ответ:

– Идентификатор принят. Ожидание команды.

– Открыть ворота, – произнес я, переходя на ручное управление.

Перед носом челнока в мареве гиперпространства уже привычно появилась искра, развернувшаяся в воронку. Я на короткое время запустил маршевый двигатель, и дальше челнок продолжил свое движение по инерции. А через несколько секунд мой корабль выскочил между створок врат в обычное пространство.

Отлетев на десяток километров, погасил скорость относительно врат и стал ждать. Рядом не было ни планет, ни астероидов, а до ближайшей звезды как минимум три световых года, и только громадина гиперпространственных врат перемигивалась габаритными огнями. В начале проекта «Улья» эти врата специально разместили в межзвездном пространстве, так как это практически исключает их обнаружение. Если даже блуждающие планеты размером с Юпитер обнаружить нелегко, то что говорить об объекте в миллионы раз меньше. Да и чтобы найти их через гипер, нужно точно знать, куда лететь. В общем, идеальный узел снабжения моей группировки.

Обычно грузовые корабли прибывают сюда в автоматическом режиме и ожидают, пока корабли улья заберут груз, после чего возвращаются обратно. Вот и я сейчас ожидаю, когда меня подберут, и почему-то задерживаются уже на час.

Не успел я додумать свою мысль, как рядом развернулась воронка, и из нее вышел типичный корабль улья. Да так вышел, что я чуть не наложил в штаны. Даже перестал дышать, когда огромный астероид пронесся прямо надо мной, что я даже успел разглядеть на его поверхности отдельные камешки.

– Эй, там, на астероиде! Вы совсем охренели? – возмутился я в канале связи. – Восемьдесят три метра до столкновения!

Но на той стороне было лишь молчание, а на поверхности астероида раскрылись замаскированные капониры, и из них повылазили автоматические пушки ближнего радиуса действия. Их стволы тут же сориентировались в мою сторону. Глядя на это, я сквозь зубы набрал воздуха в легкие, но так и не успел испугаться, потому что все пушки мгновенно спрятались обратно, а в кабине челнока раздался сухой голос мозга улья:

– Челнок три два семь три, вам разрешен вход в шестой док. Целеуказание отправлено на ваш бортовой компьютер.

С мыслями о немедленной расправе над тем, кто все это устроил, я активировал автопилот, и челнок начал сближение с астероидом. На самом деле это был не совсем обычный улей, так как оборудован всем необходимым для проживания людей. И даже небольшая вращающаяся секция присутствовала, скрытая под поверхностью, благо размеры астероида это позволяли.

В шлюзе меня встретил капитан Марченко, выпятивший грудь с эмблемой стальной головы волка. Капитана приписали в мою личную, можно так сказать, небольшую гвардию. Он и его отряд были первыми, кого я увидел после того, как выполз на поверхность Оршу. Поэтому Нечаев определил их в проект «Улей» в качестве моей охраны, так как они видели, с чем именно я вышел на поверхность.

– Иван, что происходит? – бросил я на ходу, не задерживаясь на месте.

– Простите, господин Волков, – не отставая от меня, произнес Иван. – Сенсоры улья обнаружили странную аномалию в гиперпространстве, и сейчас все пытаются с этим разобраться в центре планирования.

– То есть корабль выходил из гипера и подбирал меня без присмотра? – в очередной раз возмутился я и еще бодрее заработал руками, перехватываясь за скобы.

Внутреннее устройство той части улья, где обитали люди, было схоже с устройством фрегата трехсотой серии, остальная часть астероида, и она же наибольшая, была отведена под среду обитания арахна и под их характерное вооружение и технологии. Там они питались, работали и умирали – все очень похоже на то, что я устроил под поверхностью планеты завода. Но главное отличие этого гибридного корабля – это минимальное количество экипажа, можно сказать, что его практически нет, так как всеми системами управляет искусственный биологический мозг.

Мы быстро преодолели центральный коридор, затем спустились в гравитационную секцию, и вот, наконец, разъяренный, я смог ворваться в центр планирования и сразу же замер как истукан. Посреди помещения над интерактивным столом висело объемное изображение участка метрики гиперпространства. Если эту бесформенную, постоянно меняющуюся кляксу можно назвать метрикой. Но мое внимание привлекло не это, а упорядоченная структура спиральной формы, которая пронизывала эту кляксу насквозь.

– Что это? – задал я вопрос, подходя ближе.

Туров и Лукашевич синхронно обернулись, и Костя улыбаясь протянул мне руку:

– А, Михаил, здравствуй. Рад тебя видеть.

Пожав им обоим руки, я обошел вокруг стола, рассматривая эту структуру, и снова спросил:

– Что это?

– Мы не знаем, – ответил Лукашевич. – Мы шли на место встречи, когда системы сенсоров улья начали сходить с ума. Буквально краем зацепили эту аномалию и сбились с курса, потеряв опорный маяк. Благо отделились недалеко и удалось поймать сигнал обратно.

Я подошел еще ближе и воткнул обе руки в изображение, а затем развел их в стороны, тем самым увеличив его. После чего стал вращать, чтобы рассмотреть получше, и мне сразу закружилась одна мысль в голову. Дело в том, что когда корабль входит или выходит из гипера, то его метрика изменяется, становясь похожей на конус, обращенный вершиной внутрь или наружу соответственно. А здесь складывается впечатление, что нечто пронеслось в пространстве, пробив тоннель через гиперпространство, но не входя в него.

– Странно, я никогда такого не видел, – пробормотал я, ни к кому не обращаясь. Затем повернулся к Лукашевичу и спросил: – Координаты этой аномалии есть?

– Должны быть. Все же пишется.

С этими словами он подошел к столу и вызвал навигационный интерфейс. Через мгновение рядом появилось изображение зигзагообразной кривой, проложенной через гипер с указанием нынешней точки положения и приблизительного местонахождения аномалии.

– Приливные силы наверняка уже сместили эту область, но, думаю, недалеко, – заявил Лукашевич. – Так что, по остаточным возмущениям сможем ее найти.

– Отлично. Я хочу посмотреть, что там.

Вызвав свой виртуальный интерфейс, я наметил маршрут следования и отдал команду на движение. Мозг корабля отреагировал мгновенно, и огромный астероид выпустил струи газа, немного разворачиваясь в пространстве, и через несколько секунд уже нырнул в гипер.

– А теперь скажите, *господа*, – я специально выделил последнее слово со зловещей улыбкой на лице, – кто из вас решил, что угробить меня – это отличная идея? И оставил корабль без присмотра, что он сначала меня чуть не протаранил, а потом еще и хотел разнести из пушек на атомы.

Господа переглянулись, и Туров с непониманием претензии ответил:

– Ты же сам сказал, что он все может сам.

– Я сказал, что он все может, но он еще учится, и четко и ясно приказал контролировать его действия.

Я уже хотел придумать какое-нибудь занятие для этих умудренных жизнью мужчин, иногда ведущих себя как дети, но их глаза выражали искреннюю обеспокоенность случившимся. Поэтому я просто махнул рукой:

– А хрен с вами, пошли в столовую. Пока летим на место, расскажите, что там у нас происходит.

* * *

– Что это?

Туров задал вопрос, который интересовал и меня, так как мы уже битый час рассматриваем с большого удаления расплывчатое пятно в космосе.

Нам в итоге удалось найти в гиперпространстве место, где произошла аномалия, но понять, где вход, а где выход, не представлялось возможным. Поэтому пришлось проверять обе точки координат. И, естественно, как по заказу, в первой точке мы ничего не обнаружили, как не напрягали сенсоры корабля улья. Но вот во второй нам практически сразу улыбнулась удача. На расстоянии чуть более миллиона километров находился объект искусственного происхождения, но его невозможно было разглядеть, а приближаться к тому, что способно вот так преодолевать расстояния, как-то не хотелось. Тем более, здесь точно никого не должно быть.

– Меня тоже интересует этот вопрос, – ответил я и в очередной раз запустил сканирование частот. Во всех диапазонах так и отсутствовали признаки какого-либо сигнала, и я добавил: – В радиодиапазоне по-прежнему ничего нет. Он дрейфует, не совершает никаких эволюций. Какие будут предложения?

– Если запустить зонд не на объект, а немного в сторону, но так, чтобы он смог разглядеть его с предельной дистанции, то, возможно, наши действия не будут расценены как агрессия.

Предложение Лукашевича мне понравилось, и, выгнув бровь, я посмотрел на Турова. Тот просто пожал плечами, и я тут же привел предложение в действие. Часть поверхности астероида улья раскрылась, и из его недр выскочил относительно небольшой цилиндр. Он успел отлететь на пару сотен метров от корабля носителя, после чего вспыхнул факелом химического реактивного двигателя и умчался в сторону неизвестного объекта.

– Что ж, через шесть минут у зонда закончится топливо, и он начнет разворачивать оборудование, – прокомментировал я, – через два с половиной часа сблизится на минимальное расстояние. Значит, через час уже можно будет пытаться рассмотреть.

Томительное время ожидания прошло в легком нервозе, и никто не покинул центр планирования корабля. Туров рассказывал какие-то шуточки Ивану, его парням, а они громко гоготали. Лукашевич все время просматривал какую-то информацию через интерфейс стола. Я же расхаживал из стороны в сторону, постоянно поглядывая на изображение. И порой мне хотелось подтолкнуть зонд, чтобы он летел быстрее.

Тем не менее чем больше проходило времени, тем изображение объекта становилось все четче, и через полчаса уже можно было с уверенностью сказать, что это корабль, так как удалось разглядеть контуры маршевых дюз. Наконец спустя еще полчаса на корпусе непознанного корабля стали видны отдельные детали. Он был повернут к нам кормой, что затрудняло его опознавание с улья, но зонд заходил со стороны, и поэтому стала видна его боковая проекция.

– Ну, что скажете? – задал я вопрос, так как все еще не мог понять, что вижу.

Конечно, в нем угадывались земные технологии, но я никогда не видел таких кораблей, а мои программы распознавания не давали никакого результата. Да и не должно быть здесь никаких земных кораблей, все же территория арахна. По крайней мере, одиноких земных кораблей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.